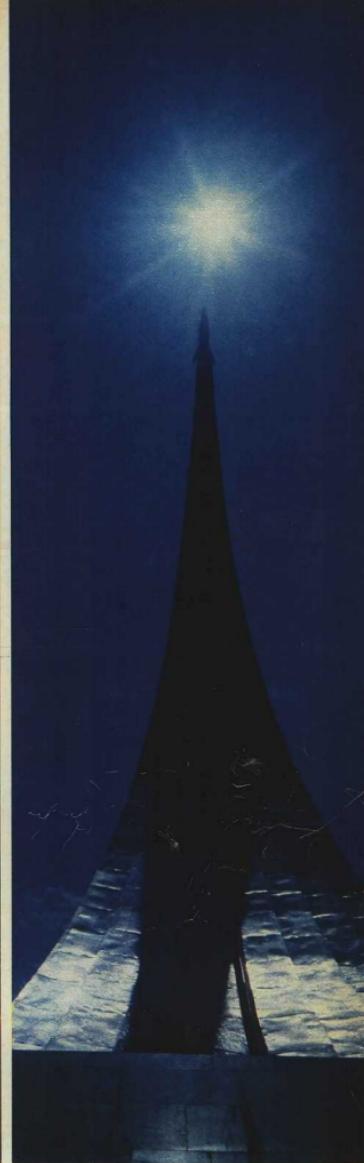
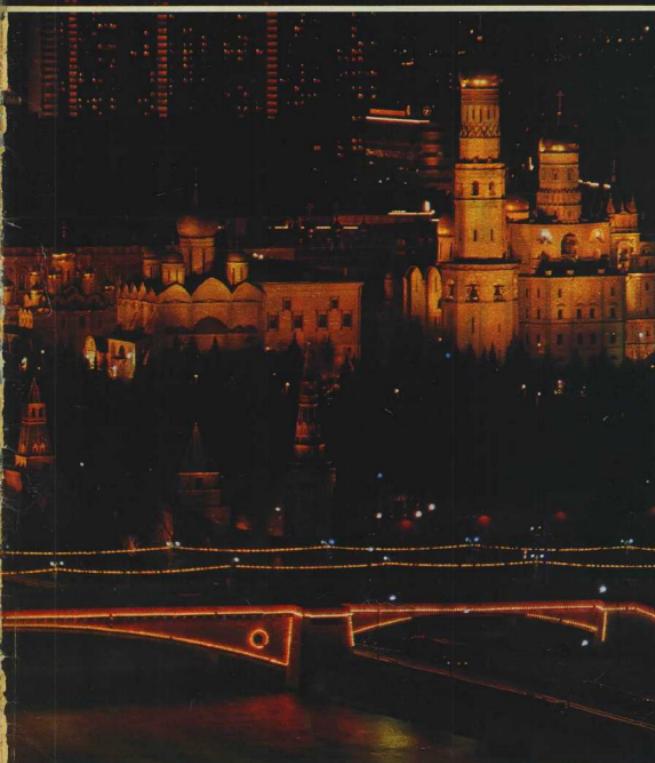

1941 И ВРАГУ НИКОДА НЕ ДОБЫТЬСЯ, ЧТОБ
СКЛОНИЛАСЬ ТВОЯ ГОЛОВА, ДОРОГАЯ
МОЯ СТОЛИЦА ЗОЛОТАЯ МОЯ МОСКВА!

1971

№ 23 ДЕКАБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

В

Все дороги ведут в Надым

начале июля билеты на самолет, улетающий из Москвы в Салехард, невозможно было достать, даже с помощью корреспондентской лотереи. Поэтому, экономя время, пришлось вспомнить известную аэрофлотскую поговорку: «Лети, как птица». Две суток поездом до Лабытнанги. Потом полтора часа на переполненном пассажирским «амкаром», старательно высыпывавшим среди безбрежного разлива Оби и Помы, скрытый паводком, вырвавший к пристям Салехарда. И все это для того, чтобы салехардского аэропорта наполниться на очередную «пробку».

Заях окондания сплошь зеленым, от униформы студентов-стройгражданцев. Небывалая теплышка (не верься, что город У Салехардского Полярного круга) забыла о снегах и синеве, о покоях и счастьях в гостиницах в теплый пассажирский зал города больше народу, чем тот мог вместить по расчетам. И вот в этой тесноте и духоте пот, спорят, перекусывают, бренчат на гитарах, строчат домой письма о прибытии в Заполярье, вкладывая между страницами на манер гербариев северные сувениры — листики нариковых бересклетов и насосавшихся комаров. Но главное — тут идут очередной плановой, внеплановой, специальной, вообще любой оназим в Надым.

Каждый сегодня все самое лучшее отбора в Надым, посыпал, что потерянное вчера в волнах к юго-западу от Салехарда среди топких болот ковша Тюменской области в том самом районе, который в последние годы потряс воображение специалистов небывальными залежами природного газа. Теперь настала пора этому газу работать на человека.

Ч

Газовая столица с разных точек зрения

то же такое Надым!

Прежде всего река, владающая с юга в Обскую губу, как раз в том месте, где последняя, размахнувшись во всю свою ширь, сворачивает на север, к Красному морю.

Надым — это еще и поселок на левобережье реки, от которой он получил свое имя. Если быть точным, то поселок стоит на берегу озера, и с рекой его соединяет четырехкилометровый отрывистый водопад, пересекающий дороги. Несколько лет назад, ее название требовалось сдавать ботаническим приемам. Ворот главный путь, по которому в название забрасывались все необходимые для представления строительства грузы. Баржи из Тюмени, Новосибирска, Омска, Сургута, Лабытнанги идут винс по Иртышу, Оби, Губке, губе, потом поднимаются вверх по Надыму и причаливают «сто седьмого километра» [как тут называют разгроженную площадку не существующего пока надымского речного порта]. Дальние грузы взвешивали на своих плечи автомобили, и четырнадцатикилометровая бетонка станет последним участком в многотрудной «дороге жизни», которая питает всем необходимым будущую газовую столицу тюменского севера.

Предупреждение налево цифра.

В Надыме 233 дня в году лежит снежный покров. Всего 94 безморозных

РОЖДЕНИЕ НАДЫМА

дня. С туманами и метелями — 43. Иногда температура падает за минус пятьдесят. Продолжительность навигации по реке с 10 июня по 20 октября. Все цифры, разумеется, средние, выведенны из результатов многолетних наблюдений, а потому год на год не приходится. В прошлый сезон, например, Надым стал второго октября, на 18 дней раньше «положенного» срока.

Я так подробно остановился на географии только потому, что это имеет самое непосредственное отношение ко всему последующему рассказу. Когда строится приходится на пустом месте, то имеет значение, каждый день навигации это лишние тонны груза. Имеет значение и направление течения реки, и ее кипучий характер, ее ледяные породы, и многое-многое другое, что, помимо прочего, усложняет условия Севера, во много раз увеличивает трудности, которых нет хватки отгадок.

Никакая Обь и Надым вскрываются примерно в одно время. Но попасть в реку в речу можно не раньше, чем онстикнется от льда Обская губа. А это драгоценные дни, вычеркнутые из навигационного времени. Летом Надым быстро теряет воду, обнажая постоянно кочующие мели и косы. Позапро-

шлым летом часть барж так и не смогла пробиться вверх по реке дальше особенно знаменитых Ильвеских песков, и многие грузы отлеживаются там уже второй год. В этом сезоне начали начать речную перевозку как можно раньше, для чего в лабытнанском порту грузы загород подвезли поближе к зоде. Но в паводок Обь поднялась гораздо выше нормы, затопив его и гористую склонность после того, как вода спадет. Но спадет она не только в Оби, но и в Надыме, куда по мелководью уже не пробрешься с крутонаханными судами.

В общем, одно обстоятельство цепляется за другое, накручивая неразрешимую головоломку.

Но, несмотря ни на что, Надым будет построен. Потребности страны в дешевом топливе в предстоящие годы возрастают настолько, что без использования тюменских месторождений удовлетворить их будет невозможно.

Сейчас в Надыме возводят третий мост. Это не первый, не единственный и не второе рождение. После войны ему довелось стать одним из оперных пунктов при строительстве приполярной железной дороги, которой предстояло связать Обь с Енисеем. Дорожникишли шаги сразу с востока и запада. До встречи на оставалась не так уж много, когда строительство магистрали прекратили. Западное плечо пути проделалось еще километров на сто восточнее Надыма в сторону Пангид. В тресте «Севергазстрой», управление которого обосновалось тут, мне показывали фотографии: железодорожные составы, паровозы, деревянные здания станицы. Раз в неделю на Надым в Москву ходил прямой поезд из Тюмени. Дорога вела к Ямалу, к Северному морю, но в прежние времена мосты, летнюю Обь — на пароме, зимой — по реке намораживали, потоплив под и шаплы с рельсами приподнявались прямо к небу.

За восемнадцать лет бездействия созданное титаническим трудом сооружение обветшало. С самолета дорога выглядит белой линией, проведенной по зелено-голубому; болотам и озерам так и не удалось поглотить песчаную насыпь. И только постара на ней, начинаясь, по-настоящему понимать, насколько неумильной и величественной времена суперсовременные природные мосты выглядят. Практически дороги строятся придется заново. В необходимости ее почти никто не сомневается. Освоение уникальных по мощности газовых месторождений, их эксплуатация нуждаются в устойчивой постоянном и грузоподъемном транспорте. Вода и воздух обеспечить эти условия не в силах.

Медвежье, Юбилейное, Уренгойская, Русское, Южно-Русское, Тазовское,

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

ВТОРОЕ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

Комсомольское, Заполярное — эти кладовые голубого топлива в перспективе могут дать до триллиона кубометров газа в год. Таких масштабов мировая практика не знает. Город Надым — первая опорная база на подступах к этим богатствам.

Правда, ближайшие его задачи более скромны. В первом квартале 1972 года должны завершиться строительство газопровода, который сплюнет Медвежью месторождение с лежащей в лесобазарном Баргузинской АЭС, которая, что не первый год подает газ на Урал и в Центр. Но сама «труба Надым — Пунга» — полдела. Чтобы приступить по ней горючее, нужно обстроить промыслы, пробурить скважины, соединить их трубопроводами, вывести газ к сборному пункту [ГП-2], где его будут обрабатывать и доводить до кондиций, прежде чем гнать за тысячи километров к потребителям. В 15 километрах от промыслов нужно прорыть вахтовые поселки Пангоды, где станут жить прибывающие из Надыма рабочие, строители, эксплуатационные специалисты. Ну и кроме того, вспомогательные объекты: склады, гаражи, хранилища, ремонтные цехи, проломите дороги и коммуникации — всего не перечесть. И все это не позже квартала будущего года, потому что во втором году газ должен приткнуть к потребителям и зарыбаться.

Задача, честно говоря, немыслима.

От строительства газопровода [Надым] осталось несколько деревянных домов и ветхих бараков. В Пангодах и того меньше. Когда в октябре прошлого года вертолет выбросил тут первый, десятн строителей — шесть мужчин и девушку-радистину — из всех полуразвалившихся строений удалось оборудовать лишь одну комнату, куда переселились единой коммуной. Строить на пустом месте всегда трудно, в условиях северного бездорья и сложной схемы доставки трудности возрастают в десятки раз.

Н

Надымское домино

На мой вопрос «Что самое тяжелое в работе?» один из руководителей строительной структуры сказал: «Всё».

Самое тяжелое — неожиданное взаимодействие различных обстоятельств. Весь раз тут приходится решать не одну какую-то проблему, а целый их комплекс, и не, естественно, самому приходится перекинуть целый комплекс ощущения...

Когда я попросил выразиться как-нибудь попроще и послематчнее, он привел в пример детскую игру в домино: настиг в длинный ряд ставят на поль, потом толкают одну фигину, она сшибает соседнюю, та — следующую, и так до конца...

— Итак, вот у нас... — закончил свое объяснение мой собеседник.

Потянуть километров, что отделяют ГП-2 от Пангода, — болотистая лесотундра, где не проходит с грузом ни одна автомагистраль. Но именно тут в близящее время пойдет основной [тысячи тонн!] поток оборудования и материалов, необходимых при обустройстве промыслов. Автодорогу решено отсыпать по сплошным лежневкам: для местных условий это единственное надежный способ. В июле ложем волнистые харковские лежневки: тонкие, легкие, изящные, они не требуют поддержки в виде столов и пилонов, укладываемые в лунки будущих магистралей. Низкая прозрачность труда была видна на дамбе нефтепланки. [А ведь — от дороги зависят срок сдачи всех объектов на промыслах!] Пытались разложить все цепочку.

Как-то так получилось, что фонды на трелевые тракторы для надымской стройки выделили не были, хотя трелевые работы и предусматривались. Природа не любит пустот, и создавшийся вакуум решил заполнить подрядчиками с представителями Тюменской администрации фондом транспорта. Тракторы, полученные в кредит, должны были поддерживать дефицитные строительные материалы. В конце весны тракторы прямо с завода отправили крутым путем в Воркуту, чтобы оттуда перебросить в Пангоды. Воркутинские летчики отнеслись к просьбе газовиков — «сработали» обычный для Севера принцип взаимоувыручки — и тщательно готовились к сложной перевозке. Но, к сожалению, тракторы пришли в Воркуту через два дня после того, как временному зимнюю площадку в Пангодах разрезало весенний теплопровод. Тракторы, потерявшие колеса, взвалились на железнодорожные платформы, перевезены в Красногорск, оттуда — до дондуковской лесной базы в Надыме. В июне я застал их на приколе «107 километров», трелевщиками готовыми к разборке, чтоб по частям перебросить вертолетами дальше, к месту работы.

Итак, два крайние точки истории: студенты архитектуру «претянули» бревна к ленокенске, а всего в сотне километров отставается новаяя техника. Задерка со сдадкой дороги, в свою очередь, будет сбита с ног последующие связанные с нею кирпичами в длинной цепочке этого своеобразного «домино».

Я привел только один пример. В моей записной книжке, разумеется, больше. Помельче, покрупнее. Но все, к сожалению, очень убедительны. Финики в таком «домино» [извиняюсь, что еще раз воспользовалась этим термином] подают не только в одном направлении. Из пуха пересекаются, идут по кругу, спираль, бросаются вспять. Малейшая оплощенность, просчет рождают лавину непредвиденных сложностей. На Севере нет запасливого соседа, который может одолеть на время, обменять, уступить нужную машину, строительную обстановку. Если стройке нужен гвоздь, он должен быть заведен под обломком, где-то где-то не найдешь, а обрушиваются силы недоступного гравитации огромные.

Тут, как ингредиент в ином месте, убеждаешься в буйственности выражения: «время — деньги». Этой зимой по разным причинам плохо сработала автодорога от Лабытнанги к Надыму и дальше, на Пангоды. Грузов зузы раз в десять меньше, чем планировали. Воздушный мост Надым — Пангоды, который летом поддеривался вертолетами, не только попрыгал нахватыв в остром дефиците, но и завидной сковороной потрошил насыпь строителей. Можно было бы искать утешение в спасительной философии: бюджетует у нас общегосударственный, и если Мингазпром переплатит Аэрофлоту, то это, по сути дела,

Пролетари! всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 (1969)
ДЕКАБРЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
Золотая Москва.

Фото Николая Рахманова

РАССКАЗ «ПОХОД БАЛА
ШИХНИСА» ЧОНОМОЛЦЕВ ПО МЕСТАМ БОЕВ ЗА
МОСКВУ. «ЗДЕСЬ СТОЯЛ
СИЛЫ ПРОТИВНИКА. СМОГИТЕ НА
СТРАНИЦАХ 6-8.

6
СО МНОЙ НИЧЕГО
НЕ СЛУЧИЛОСЬ.
ОТрывок
из документальной повести.

12
«ТВОЯ ПРОФЕССИЯ»:
ШОФЕР.

16
«СИЛУЭТЫ»:
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ.

28
«СЛУШАЙТЕ КРАСНЫЙ ЦВЕТ»
ЗАМЕТКИ О
МОЛОДЕЖНОМ КОНГРЕССЕ
СОЛИДАРНОСТИ В БРЕМЕНЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ:
МИЛИТАРИЗМ

СТАКАН АМИАКА.
РЕПОРТАЖ СО СТРОИТЕЛЬСТВА
ЧЕРКАССКОГО ХИМКОМБИНАТА

МИЗИК-ХОЛЛ — ЭТО ВЕСЕЛО!

ОЧЕРК О ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЕ
КИЕВСКОГО «ДИНАМО»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луценко [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стукалов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор М. З. Шалаева

СМЕНА 1

не расходы, а перекладывание денег из одного государственного кармана в другой. Можно было бы даже попытаться отпраздновать все эти блестящие приватные буднички барышами, которые выпадают редко, но не всегда. Но это уж, ни сомнения, не будет почему-то неким успокоительным отговором, когда видишь, что впереди. Едва очередной «Ми-4», подхватив на подвесы пакет деревянного бруса, берет курс на Пангоды, тебе не покидает чувство сопричастности к величественной, свирепой мощи, свершающей на твоих глазах. Перевозка только одного кубометра бруса от Надымы до Пангоды влечет в двести рублей. Выражаясь языком Ивана Ивановна Белотелова, начальника отдела снабжения КМ ДСУ-2, для деревянного бруса, добываемого из лесов, находящихся в группе из трех сортов, цена за кубометр должна составлять сорок рублей, а стоянка его группы — из трех сортов — сто рублей за кубометр.

Понятно, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Понятно, что самая легкая и недолготяговая роль — роль сторожного неблюдающего. Подтверждают чужие просчеты и огрызок может каждый. Имеются поэтому не хотелось становиться в позу человека, который знает рецепты от всех болезней. И тем не менее, даже увиденное убеждает, что мелкие недоделки, неуважение, прегрешение, исключительно раздражительное, могут скомпрометировать, если не полностью, то хотя бы частично, вашу машину.

Уже не первый год в пачки, на разных научных конференциях идет разговор о возврате метода освоения богатств Севера. О рациональности его говорят имеющиеся зарубежный опыт и отсутствие опыта отечественного. Смысли его в следующем. Создавать на Севере больше, многоотраслевые города дорого и нерентабельно. Нужно строить компактные базовые городки со всем набором современных удобств, где будут жить эксплуатационные со своими семьями. Надо, чтобы на промыслах [рудники, промиски] строились небольшие виллы-поселки-спутники, куда рабочие будут посыпаны приезжать не порткое время [неделя, месяц], а потом [свадьбы сменились] возвращаться для отдыха домой.

Разумность этой схемы очевидна. Но нужно будет бросать дорогостоящих северных поселков со всем комплексом жилищ и культурно-бытовых строений после того, как метеорождение истощится. Отпадает необходимость в людях, которые непосредственно относятся к добье нефти, но не сидят на дверях, которые открыты для строительства и эксплуатации зданий, теряясь в умрывающих широтах и доставляясь на место в готовом [или почти готовом] виде для использования: жилье дома и промышленные объекты в панелях и сборных блоках, машины в специальном, «северном», исполнении, продукты питания в то требующем большой переработки виде, одежду — только готовую. Даже напротив большей части оборудования будет производиться на юге: это обойдется дешевле.

На юге, в Ачинске, в Тюмени, в Абакане, в Иркутске, в Надыме, в Балашове, Пензенской — отстоящие на 120 километров к востоку от Пангоды — Пангоды южности. Медведевское месторождение газа. При дальнейшем его освоении придется идти на север, к Обской губе до самой Надымы, которая до последнего времени была центром Надымского района.

Таков официальный проект.

За две недели пребывания в этих местах я познакомился с тремя иными проектами, авторы которых — надымские «старожилы», инженеры различных рангов и должностей. Они предлагали строить базовые деревни либо в Надыме, либо в Пангодах, либо на правом берегу реки Надым, напротив «107 километра».

Каждый вариант имел свои «за» и «против», но в конечном счете казалась все-таки рациональнее официально принятого. Последний условился и без того непростую транспортную схему при строительстве, а во время эксплуатации промысловставил под ущерб сам начальник запасов: возить людей на работу пока можно только автозаводчиками, которая при напряженных здешних погодах недопустима.

Главным преимуществом официально принятого проекта было то, что, при восстановлении медленнодорожной магистрали от Салехарда до Пангод, нищее месторасположение Надымы наиболее удобно со многих точек зрения. Но беда, что сейчас толком неизвестно, когда начнут восстанавливать железную дорогу, и это что будет делать. Такая неопределенность и порождает «самостийные» проекты и планы, которые хотя и остаются в головах авторов, но тем не менее приводят к бесконечным и неминуемым разговорам, полемикам, пересудам, сбивающим настроение людей.

Кто же едет за туманом?

Любая стройка — это прежде всего люди, кадры. Их труд, их усилия определяют ее лицо. И газ, который во втором квартале должен хлынуть с Медведевского на Урал и дальше — это не просто «голубое топливо», а материализованный труд геологов, буровиков, строителей, шоферах и механизаторов, руководителей всех степеней и рангов, которые бурят скважины, выкашивают скважины, срывают головы, выкладывают фонды, лимиты, техническую документацию. Конечно, холода в какой-то московской квартире, занякая голубое пламя над газовой горелкой, может не задумываться над тем, какими тяжелыми трудом тысяч людей добыть вспыхнувшую на ее кухне отгонь. Но труд этот, тем не менее, был затрачен, и люди эти продолжают жить и работать, и хотя продукт их труда — эффективен и настолько абсолютен, что из него можно извлечь любые вещества, то есть из него можно извлечь не остановить — все-таки помнить о них, этих людях, надо. Надо помнить об их нуждах и запросах. И не только потому, что труженики Севера достойны всяческой заботы и помощи, но и оттого, что, в конечном счете, условия их труда определяют наш общий успех или неудачу в освоении богатств отдаленных районов.

Кто же тут трудится? Капитаны, повара, поварихи, обстановщики новостроек! Многие ли, как вспоминают, едут за туманом и за запахом тайги!

При нынешнем потоком увлечений всякого рода анкетированием и социологическим исследованием, с известной долей вероятности, можно было бы ответить на все эти вопросы. Беда только, что анкета не способна «скватить» всех новичков, а без них голый факт и сузя цифра теряют аромат и бедительность.

В Надыме я не проводил анкетирования. Но каждого, с кем довелось беседовать, никто нарочито, неизменно спрашивал, что влечет судьбу людей?

И если раз, будто записанное на пластилине, что влечет судьбу людей:

Да уж, во всяком случае, не романтика. Многие хотят просто заработать.

Человек настраивает себя на достижение какой-то своей личной цели, а что будет состройкой после того, как он этой цели достигнет, — не его дело. Поэтому его мысли не идут дальше наименчего «пункта», поэтому перспективы его роста по служебной лестнице здесь, в Надыме, становятся как специальность, повышенная квалификация не особенно волнуют. А у если он начал смотреть на участие в эдакой стройке как на временно осознанную необходимость, то и отношение его к будущему становится нейтральным. Как говорит один из строителей: «Быть или не быть — не важно».

Плюс когда душонка временами заражена редким рабочим, но если эта заражает руководитель — плохо впрочем. Не иди от него смелого начиненного решения, нимитовых, киски, бояль — всего, что так необдуманно этой трудной северной стройке. Он будет лучше сам отложить от своего усияния «од» и до конца рассчитывать время и расстояние, оставшееся до момента, когда можно будет собирать чмоданы и сказать последнюю прощальную и Надыму и Северу со всеми их блестящими энергетическими перспективами.

Да, тем более что вспомнил я, какими яркими яркими цветами стала в сбрасываемых на землю всех солдатских аммиачных кубометров пачкали, какие булыжи приезды страной за счет освоения тайменских месторождений.

Как-то вечером по пути в гостиницу, я зашел в молодежное общежитие ДСУ-26. Июльский вечер в Надыме — понятие условное: солнце стоит высоко и о позднем часе догадывавшись только по тому, что движение на улицах заметно убавилось, в комнатах, наоборот, надвигли в своем кровопийном деле.

Общежитие представляло собой два углубленных, бревенчатых палаты, двери из которых были обшиты неизвестной корой. В палате, в которой я остановился, вспомнили о гармонии, воспоминании о страданиях. И я поступил в отгороженную комнату — метров пятнадцати квадратных, вдоль стены в два ряда лежали коек — сидели пятеро мужчин. Они находились в той стадии воспитания, когда содержимое бутылку уже полностью уничтожено, но хмель еще не спавши с ног, а потому душу требует пронзительнейшая беседы «за жизнь».

Они находились в том состоянии, когда желость к самому себе еще не высекла на их щетинистых лицах умывальных детских слез, и в словах еще проплывали какая-то логика. Мой приход, видимо, превратил их беседу в самом неподходящем месте.

Две палаты по десять, рабочие ДСУ-26 — неизвестно называли собственными именами, и, улеглись на коек и в последующем разговоре участия не принимали. Только время от времени бросали они реплики, обозначая свою позицию по тому или иному вопросу. Андрей, мужчина за сорок, был в комнатах самым слабым, а может, принятая доза превышала долю других, во всяком случае, он вскоре стал изъясняться междометиями. Потом дверь отворилась, и симпатичная девушка лет шестидесяти спросила:

— Папа здесь?

Андрей неуверенно поднялся и, навалив на плечо дочери свою непослушную голову, открыл дверь.

В комнату, осталась нас трое: дядя Саша, сухой старичок под шестидесят, по профессии птицник, привезший на Север из Горького, Анатолий, бульдозерщик, родом из курской деревни, и я.

Синака калкали о коче, о том, с оем, потом заговорили о стройке. Дядя Саша расплакался так, что бросил пинять на гармошке, тем более, что она уже не особенно поднадынилась его пальцами.

— Вот человеке обидели и за что. Уезжают... — Открыл пальцем в Анатолию и это уедем...

— Уволился, — подтвердила бульдозерщик. — Всю заявление подал. Двенадцать лет, я здесь работал и подсыпал в Ярославль Шеле. Знакомо здесь место под Соли. Там я меня сюда замутили. Я к нему каждый год на лето езжу. Мессы три погреба, поплавал — и снова на Север.

Почему я никак не мог взять в толк суть его конфликта с руководством ДСУ. С его словами получалось, что сменился Анатолий по пыльке утоли бульдозер, Ремонтируйте и восстанавливаите машину их заставили обнов.

— Может, — сказал я, — я не знал, что такое «закон о промышленном пики» — наука, которую я изучал.

— Я всего четыре месяца.

На его счете значилось 1 200 рублей. Первый взнос — в конце марта. Потом каждое полмесяца сумма росла.

— Если бы пил, деньги бы не было, — пояснил он. — Сегодня немного захмелели, как бы на троицу, чтоб дорога была короче.

Он и вправду был гораздо трезвеен событийников. Да и с виду выглядел аккуратнее, одет попроче.

За разговором я узнал его биографию. Ему сорок. Родом из поселка Пончук, Родители погибли в войне, воспитывала бабка, которая тоже погибла в войне. На Курской дуге погиб ее старший брат, и она землю вокруг их деревни была передана в колхоз. Помнил он голод и разрывы, вспоминал, что в деревне было много погибших. Из-за них его боялись, из-за них раздавались так и оставались на четырех классах. Но, видимо, жизнь помогла наверстать знания, которым он недополучил в школе. Во всяком случае, о чем бы мы ни говорили, Анатолий всегда был в курсе и проповедовал довольно глубокую осведомленность.

Наверняка, самые широкие познания у него об экономической географии страны, причем насчет ее промышленности и размещения. С тех пор исчезла из края в края, это нынешняя страна и первые места: Якутия, Сахалин, Чукотка, Шамань, нефтепровод «Дружба», Москва, села Сахалин, Тюмень и так далее. И о каждом месте я спросил, четко ответил, какой там коэффициент, платят ли «северные», хороши ли снабжение, организация труда, дороги, жилье, какие марки машин в ходу, сколько можно заработать, если «вынешь» на совесть».

Самое яркое воспоминание его жизни — курсы повышения квалификации будущих строителей в Москве.

— Там таких преподавателей подобрали — любой вопрос задай — ответят! И классы оборудованы по последнему слову техники. Макеты, всякие там узлы, бульдозеры в разрезе, книжки, диаграммы цветные на труках показывают. Причем не только наши, но и зарубежные машины...

Сюда проносят даже машины. Потому что было непонятным его внезапный отъезд из Надымов. Там более удивился, когда он сказал, что к кораблю снова вернулся в Надым. Спросил его, зачем сейчас уезжает.

— Не люблю я на встречу мутуз сесть, — сказал он. — Сейчас тут никто не чешта толком не разберет. Организация труда — никакая. Мне фронт работ давай и плачь коляной соответствующую. А они наяву полосы бояркарии, перчатки, лыжную базу хотят строить. А зачем мне перчатки, зачем мне лыжки? Если работу будет, я так нахавлюсь за день, что ни рук, ни ног не останется.

Ну ничего, — продолжил он чуть ли не со злорадством, — газ-то во втором квартале все равно надо дать. Они лето прокантиются, а зимой их призовут. Заверстят, а работу будут и сизуречные. Вот тогда я и приеду. Тут, говорят, создают СМУ, которое начнет варить газопровод. Трубоукладчики у них новых будут. Вот и придет мое время.

Все у него было как-то набрекено. Попытки руководителя ДСУ организовать доступ молодежи с помощью спортивных секций Анатолия расценили чуть ли не как выпад против его власти. То-то из двух парней бросили в колючку и Николаев и к нему не подошли, он тут же отшаривал: «Ха!»

С одной стороны, он работала и отличный специалист. С другой — закоренелый «летун». Он не хочет «дурных» денег и ценил только заработанные честным трудом. Но при этом требует создавать условия для такого производительного выколачивания «конеков», что и честный труд его сродни обычному рабству. Видно, его остерегали от привередливости работы бывалых организаторов о дне завтрашнего. Но если вспомнить, сколько зубов в самых неизвестных группах успевших, то никто не знает, заслуживает ли его звания на горячую заняту Сынок Целия. Он отлично понимает, что при нынешнем голове на рабочие руки его квалификация и высокий разряд оставляют за него право выбора, что они придают остойчивость его жизненной ладьи, в какую бы бурную волну он ее ни направил. Отложенные про запас деньги — надежные паруса, которые, стоят только поднять, вынесут к любой намеченной гавани.

Так и бросает его по морям, по волнам, будто в бесконечном движении этого все цели жизни. А страйк! Для него она — дело десятое. Столик из узко видано-переведено.

Ч От мечты к действительности

Ом больше знакомился с ходом строительства в Надыме и Пангодах, тем более убеждаясь, что работают старыми методами тут нельзя. Не те объемы, не те темпы, не та оснащенность техникой. При нынешнем уровне требуется новая, чисто прежде, организация труда и материально-техническое обеспечение строительства и в свою очередь участию в этом строительстве. Только в этом случае можно успешно преодолевать объективные трудности.

И всякий раз приходилось возвращаться к идеям комсомольско-молодежных трестов и управлений, производственных подразделений, впервые возникших здесь, на таежной земле, подвердившихся за короткую свою жизнь целесообразность своего существования. Таким управлением в свое время был создан трест строительства Северной железной дороги, который стал предметом исследования не только сплавленных-строителей, но и политиздания — не идеальный образец, то уж, во всяком случае, достойный подражания пример.

В прошлом году мне довелось беседовать с руководителем строительства в Светлом Анатолием Мандриченко, который после Светлового заложения вновь созданный комсомольско-молодежный трест «Севергазстрой». Беседа эта была опубликована в «Смене» под заголовком «Комсомольско-молодежный трест — мечта и реальность». В частности Мандриченко указывал, что:

— Такое называемое трест, [наш] комсомольско-молодежное... — Л. П., скорее программа или название, что есть насторожило. Пона что он ни по ине, ни по форме не является комсомольско-молодежным. Ему еще предстоит таинить стать. Сейчас же это — самое одиозарное строительное подразделение...

Что изменилось за год? Что реализовано из былых задумок и планов? Что нового на всесоюзной ударной комсомольской стройке, какой является Надым?

Ничего. Трест по-прежнему обычная строительная организация, и если сравнивать с тем управлением, что строило Светлый, то нигде заметить регресс. Формально все в порядке. На официальных вывесках всюду подчеркнуто, что трест и подчиненные ему управления комсомольско-молодежные. Даже в обычной разговоре никто не скажет: «СМУ-2» или, поломки, «ДСУ-26», а обязательно: «КМСМУ-2», «КМДСУ-2», подчеркивая тем самым ом комсомольско-молодежный статус.

Но это вовсе не реальность. И даже не прошлогодняя мечта волгоградской в концепции Светлого. Текущая, на которую жаловалась еще Мандриченко, заставляет строить очно-материально. Вместе с расширением фронта работ, объема капиталовложений, ростом количества — в прогрессе увеличивались и списки скроенных, ини терпящих отлагательства, «самых горячих» и прочих дел, которые отодвигали на десятый план все, что не имеет непосредственного отношения к газу, который надо дать в срок.

Так и идея новой организации оказалась в разрыве дел, которые могут потерпеть.

Виталий Мошковский, комсорг ДСУ-26 и бригадир комплексной бригады, рассказал мне, что из 260 рабочников их управление только 65 комсомольцев. Причем на учете [имеется в наличии], как выразился Виталий, стоит только 48. Комсомольско-молодежное управление, в котором комсомольцев четверть части! Причем тридцать процентов из них где-то растворились, разбросаны по всему Северу.

Это и привело к воспитательной работе управлению треста! Руководители ДСУ-26, сами недавние комсомольские активисты, прошедшие через студенческие строительные отряды, пытаются еще что-то делать, чтобы жизнь их коллектива не ограничивалась только работой и производством.

В других управлении нет даже и того. Их начальники охотно соглашаются с собственным «дружебодом» в этом вопросе, и берут на себя вину за то, что вовремя не помогли комсомолу. Но признают ошибку и хотят ее исправить ее. Да к тому же с каждым годом это становится все более очевидно. Но логичнее ли от самой бригады отиться к комсомольцам за помощь?

Что же такое комсомольско-молодежный трест сегодня? Реальность или спущенная на тормозах мечта? Я больше склоняюсь ко второму определению. Не стану категорично утверждать, что с самого начала у этой мечты все было хорошо рассчитано, приглано, бесспорно. Она давала лицу для дискуссий. Но все-таки реализация ее была возможна и необходима. Опыт надымской стройки показывает, что не единой работой жив на Севере человек.

Газу нужны специалисты

оложение дел в Надыме давало немало фактов для критического выступления в адрес Министерства газовой промышленности СССР. Случай, когда по нерасторопности или некомпетентности организаций, подчиненных министерству, срываются сроки строительства тех или иных объектов, их снабжение, обеспечение технической документацией, можно было бы выписать в длинном-предыдущий реестр. А для этого нужно искать и раздать всем сестрам по сердцу. И Мингазстрой в первую очередь.

Для этого не хочется, потому что было бы несправедливо. Все горядо сплошное.

Сначала несколько цифр.

В 1970 году прирост строительно-монтажных работ по Министерству газовой промышленности составил 16,7 процента! В 1971-м достигнут примерно 14. В будущем году — 30! Ни у какого другого министерства, ведущего строительство, нет подобного роста.

Для выполнения этого не просто деньги, бетон, газовые трубы, скважины. Это люди, новые производственные коллективы. Известно, что самое трудное строительное искусство — создание нового коллектива. Замечено, что требуется два года, прежде чем новый организованный СМУ станет полноценным строительством. Трест для этого нужен срок, вдвое большей. Тюменские газостроители организационно перекидают даже отчество — плачевно. А забастовки взвешиваются им под стать взрослым мужчинам. Пять лет назад Газпромтрансгазтрансформировался с ними в «Газпром». Уже ушло 30 тысяч рабочих, и неизвестно, где дальше тратить полисы на профессиональные группы.

Но лучше это было бы не торопить события, подождать, пока все притягнется, обрасти огнем! Наверное, лучше. Но, к сожалению, невозможно. Деятельность пятилетки поставила перед хозяйством страны небывалые задачи.

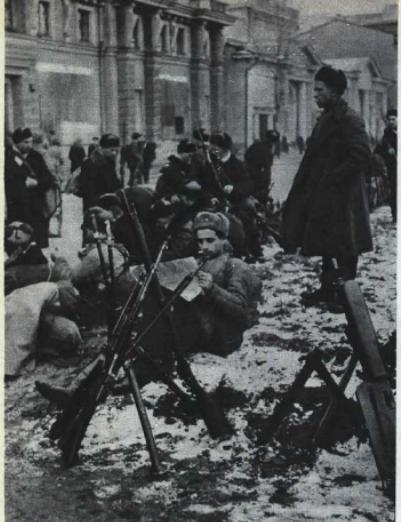
Чтобы выплатить предусмотренный планом металла, добить и переработать нефть, построить машины, жилую площадь, выпустить ткань и обувь, нужна электропрограмма. Одни из самых быстрых и дешевых способов получить ее — из природного газа. Газ нужен, как воздух. И с каждым годом потребность в нем будет расти.

Вот и получается, что за полгода тресту «Севергазстрой» шесть раз меняется рабочий список производственных работ — сдвигая пальцы любой стройки. Поэтому СМУ и начинает работы на объекте, не имея проектно-сметной документации.

Газовики науки умели варить трубопроводы, прорабатывать их через реки, болота, леса, горы, пустыни. И не их вина — ни беда, что они не особо опытные строители. Просто не было времени ставить мастерах на все руки. Теперь они должны проектировать и строить газопроводы, объекты, железнодорожные и шоссейные дороги, мосты, суда, жилые комплексы в северном и пустынном климате. Но никому еще не удалось оспорить анониму: беда, которая начнет погибать сапоги, влаги, тачки пахирожки.

И в то же время наше хозяйство располагает подготовленными кадрами и организациями, которым Север не в диковину. Ведь строили они Норильск и Мирный, железную дорогу на Таймыре и автомагистраль в Якутии и Магаданской области. Они имеют дорого оплаченный опыт. Зачем же газовикам сносить и непроторченными тропами позиции, заменяя на новые, то, что найдено другим? Не разрешено было остановить газовиков главных хозяйственных ведомств — дорожников, связистов, строителей тяжелой индустрии, которые в своем деле, как говорится, собаку съели.

Это тем более кажется необходимым по следующим соображениям. Недавно то время, когда природному газу Тюмень будет принадлежать весомая доля в энергетическом балансе страны. Когда добьи здешним же строителям выйдет на пике, страна будет получать энергию, эквивалентную выработке десятков крутнейших гидроэлектростанций. Будут строить новые плавильни, вырабатывать новые химические вещества, осуществлять связь между городами и селами страны. Эта энергия будет служить всем. И справедливо, что сегодня мы все обязаны послужить ей.

Холодные декабрьские дни 1941 года навсегда вошли в историю человечества. Есть глубокий смысл в том, что именно у стен Москвы, столицы первого в мире социалистического государства, потерпели первое сокрушительное поражение фашистские полчища, захватившие Европу и помышлявшие уже о мировом господстве. Конец гитлеровского Блицкрига, неминуемый разгром фашизма — вот о чём возвестила миру несдавшаяся Москва — город — символ геройства и мужества советского народа.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Эти снимки сделаны в октябре—декабре 1941 года. Слева направо: Бойцы рабочего батальона на Ленинградском проспекте, около 2-го часовога за-вода. Атака. За сплошь — Москвой. Руками москвичей многие улицы были превращены в непроползаемые руины.

Фото из архива фронтового корреспондента
Александра УСТИНОВА.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Евгений АЛЕКСЕЕВ,
Вадим ОПАЛИН (фото)

ервого декабря Чистов сел в машину. Он выехал на Окружную дорогу, потом на Каширское шоссе. Сегодня не так холодно, как тогда, совсем не так, но снег по обочинам уже глубок, и лес по-прежнему обступает шоссе. Чистов сознает, что это очевидное, но он думает, наверное, этот вид настраивает водителей историчных «Жигулей» на аллегорический лад.

Гляди на эти пространства, Чистов совершенствует свою незримую, по старой прычке, издруг отмечает про себя, что занимать оборону в здешних местах трудно: не за что запечиться, и эта

СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

Илья СИМАНЧУК

ОТ АВТОРА.

Более четырех лет назад в Музей Вооруженных Сил СССР поступили письма московской комсомолки, Героя Советского Союза, снайпера Наташи Ковшовой, героям погибшей в боях с фашистами. В то время я работал в редакции газеты «Смена». Наташа комсомолка, а ее снайперские подруги — студентки ВУЗов, упоминались не только подруга Наташи, также снайпер Маша Попиванова, погибшая в том же бою, но и их друзья, студентки автородорожного института, добровольцы, погибшие в боях с немецкими оккупантами.

Впоследствии я узнал, что в 1941—1942 годах Наташа и Маша вместе со студентками-добровольцами вели совместные дневники. Мне удалось познакомиться с этими дневниками, и я начал читать их, и с удовольствием, и с горем, волнующими записями о событиях того германского времени. Так началась работа над документальной повестью, послажденная этим отважным молодым патриотами. Наташа Ковшова, Маша Попиванова и другие герои, о которых я сейчас говорю, выдаются единственным оставшимся в живых из группы друзей. Они занесены в зал славы, при помощи которых можно было бы рассчитывать определить место их могил. Но пока это не сделано, ибо формулировка пока что не определена, то и он и его погибшие друзья давно избрали для себя место, в котором они хотят погребаться — народу. Родные. Вот почему повесть о них так и называется — «Сменины о героях».

В отрывках из повести, которые предлагаются вниманию читателей «Смены», мы находим сопоставление героев, новых и старых. Вспомним, как в годы Коммунистической диктатуры произошло знаменитое дважды-снайперов со студентами-добровольцами. Вместе осваивали они военное дело, вместе вступали в первые бой с врагом, пытавшимся захватить Москву.

Наташа — родным:

«...Я живу хорошо, в бую еще не была. Научилась стрелять из ручного и станкового пулеметов, метала боевые гранаты. В общем и целом в запасе у меня теперь достаточно способов, чтобы разить проклятых гадов. Мы им покажем, как к Москве подобраться... Ух, проклятый, проклятый Гитлер! Кажется, нет в мире самых брачных слов, которыми могли бы подойти к нему, как определить слово скверниче морам отвратившихся собственной жаждью и злостью иско. Буду быть до победного конца, ибо верю в нашу победу, верю в то, что еще увижу всех вас за круглым столом. Эх, и пельмени мы завернем — пальчики обжигаем!»

Наташа — Лени:

«Многоуважаемый товарищ! Вы становитесь совсем неуловимой личностью. Когда бы к вам ни зашли, вы либо в поху, либо в диксию. Леняка! Мы обосновались в первом бараке. Если идти от церкви, то первая землянка налево в горе. Пишите и приходите в гости. Мы теперь уже к вам не выберемся. Ты, говорит, член бюро полка, так что теперь тебе легче будет выбираться. Пиши...»

Лена — Наташе:

«Здравствуй, Наташонок! Рано ли, поздно ли получину ты мое письмо, но,

мысль тотчас же возвращает его в прошлое, и просторное щегловатое шоссе снова начинает казаться ему опустелой и леденящей душу «дорогой».

Так проезжало шоссе тогда.

Не доезжали чуть до Наро-Фоминска. Чистов просит остановить машину. Здесь все не так, как тогда. Коттеджи появились в окрестах нет кирпичного завода. Но сердце стучит порывисто и гулко. Потому что здесь его машина. Здесь его скала смерти и не написа, потому что, как она ни старалась, Чистов не научился думать о сюжете.

Тогда — это значит тридцать лет назад, 1 декабря 1941 года. В тот день немцы прорвали под

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОСТРОЕНИЕ У МОГИЛЫ ПОД НЕЛИДОВОМ.

НА МАРИШЕ.

«БЫЛ КОРОТКИЙ ПРИВАЛ...»

конечно, получивши — в этом сомнение быть не может. Так вот, спешу исполнить свое обещание — посыпаю Женским стихи... Ария, что и говорить!..

Ну, пожалуй, хватит этой арийкой! Ао нам еще поберемся, после победы над врагом она у нас не уйдет. Сейчас у нас есть вполне ясная, определенная задача — разбить и уничтожить гитлеровскую банду! С этой задачей мы, безусловно, справимся!

Немножко о себе. Вчера собирался выбраться к вам, но, конечно же, не удалось: мешало сильное недомогание, было эпизодическое, но, варуха на чудо, и также спасительное положение в офицерской трапе. Несколько дней находился в госпитале. Попытавшись что-нибудь выдумать, чтобы попастись к вам. Согодня наши ходы на батальонные тактические занятия. Я на ходы, был освобожден: у меня ерунда какая-то с легкими (также моим легким). Видимо, бронхит. Вот не легкий их (легких) взял! Да говорят — все пройдет зимой холодной. Жаль только, что из возвращения голоса не ужаже. Тут даже не спошь «никогда» не унывать и все такое прочее. Отсутствие голоса в течение нескольких дней начинает меня волочить. Нет, там только предстоит себе что у меня пропал голос. Как вам эти приветы?

Приставьте к себе ребенка, поют, заломят, а я им даже поднатянуть не могу. Ашь только и попробую, как они начинать смеяться («здоровье», наверное, получается). Что тут делать, отвернувшись и вздохнувшись. Ну, думаю, дайте только срок. Мы еще споем!

Нагатина — Ленин (на потной бумаге):

«Добрый вечер, дружеский! Только сейчас получила твое письмо. Очень и очень кстати! Настроение у меня просто удивительно хорошее, да еще твое письмо — я, у меня, кажется, не остаётся причин жаловаться на фортуну. Правда, может случиться, что радость моя преждевременная, но и это уже достижение.

Наро-Фоминском нашу оборону и выкарабкались к Апрелевке. А в их тылу, не сойди с места, держи рубеж тридцать восемь бойцов 40-го гвардейского полка.

Чистов спускается с шоссе и тихо идет в гору, будто бы настремчу самому себе, идущему с горы тридцать лет назад. Он пошел туда посмотреть, кто это подглядывает к нему с фланга в маскарадах, почему-то верилось, что это соседи — гвардейцы Лизюкова.

А впереди немцы — он убеждал в этом в последний момент, столкнувшись с одним из них носом к носу.

Он вспомнил про гранаты и метнул их одни

Знал бы ты, что пришлось нам вытерпеть за эти десять дней! Я думала, что совсем разлучусь умьяться... Дело в том, что нас здесь решали переквалифицировать на санитарки и приказом прикомандировать к санэвзводу. Мы, конечно, пришли в ужас. Я с детства терпеть не могла докторов и сейчас не имею ни малейшего тяготения к медицинской деятельности, а тут такие дела! Жуть!! Каждый день изводил нас из занятия вместе с санитарами и высматривалась лесом о тифо, туме, холере, газовой гиперене и тому подобных чудесах. А в это время в санэвзводе сидел боец Токса. Маленькая радость — снег метра в погоду глубиной и рыхлой. Девы через него как-то умели спасаться равненого. Это, конечно, случилось только по вине моего малютки и совсем послушного характера...

Сегодня Маша была в полку и узнала, наконец, что нас перевозят во взвод. По этому случаю у нас прямо семейная радость. Жить теперь, наверное, будем прямо в деревне. Точно еще не знаю, но только не в санэвзводе. Красота!!!

Бумажка нет, поэтому и письмо приходится писать, как по ногам. Ну, это же письмо для письма!

Будь здоров и лесес, «никогда не унывай». Мы с Машей часто вспоминаем ваши песни. Желаю тебе и твоим друзьям всего самого наилучшего. Привет. Наталия!

А о новом месте жительства сообщу дополнительны. Ты пиши, пиши Образательно. Жаль, что я тебя последний раз видела только мельком. Н.».

Лена — в дневнике:

«...Сегодня было батальонное собрание. На нем встретил вагру — кого бы вы думали — Наталию. Вот неожиданность! Она все такая же, даже лучше стала. Да и Дашенька мы с ней не виделись, я уже соскучилась. Их с Машей перевели спать в полк. Ходят слухи, что они теперь будут в нашем батальоне. Вот

за другой, вкладывая в каждый свой бросок не- вероятные и безумные проклятия, без которых русской душе, наверное, никогда не будет по- следнего облегчения.

Рукопаный белый нолей и страшен. Свою смерть здесь можно разглядеть в лицо. Но Чистопольский, как и все остальные, не ее не разглядывают, они просто попадут на ее кровь, попадут вслой военной да и омыленной логотипе, не тридцать восемь против двадцати тренированных и опытных профессиональных солдат.

Чистополь помнит, что после этого боя он осталось двадцать и они были окружены с флангами. Старая мысль опять приходит ему на ум, и он поддавливает ее, сознается удивленным, как это ему удалось. И вспоминает, что вчера, в первом бою, он жалела и от себя отстегнула и пульки, и со штыком, и с минами и корыльями осколками. Что осталось тогда в этом месте под Наро-Фоминском? Была какая-то мешанина из голюка, что выпавшего снега, земли, ключей своих и чужих шинелей, посеченных деревьев. Тогда тоже падали раненые зими, но снег был в крови, в ахах, а потом в теплых грудях.

— Погоди, она снова выходит на шоссе, закрывает свой «Беломор», и молодой танкист везет его в Москву, в ресторан «Нарва», где Евгений Иванович Чистополь работает официантром.

Историк с Чистополью миф поведал товарищ. Таких же, как Евгений Иванович, в этой войне было не столько. Май армии о них из соловьев. Совсем недавно, гавань Севастополя, в которой побывало их наследие после войны, их щупут из суппорта — по фотографиям, по воспоминаниям однополчан. Многих нашли слухами аризона. Очень многих отыскали юные следопыты. Походов по местам боев было множество. Они продолжаются и по сей день на землях Белоруссии, Украины, Ленинграда, в Подмосковье. Одни из таких походов прошли летом балашинские комсомольцы и школьники.

Любезно! Она права — гора для нее скользится, а человек с человеком всегда сбывается. Тем более что я этого хочу. Для меня это просто необходимо.

Наташа — родным:

«...Я по-прежнему жива и здорова. Последнее время пришлось много раз перемещаться с места на место. Глаголю этому мой адрес несколько изменяется: Действующая армия, 261 ПТС, 528 СП, мне — вот и все».

Сообщает вам радостную весть, мимо скрою притум в Канадских ВКП(б). уже три года революционный фронт. Буду писать завтра. Звание кавалерийской ВКП(б) сформировано в беко и посып беку. Буду такой же большевичкой, как бабушка, мама и папа, как все наши папы».

Вы пишите мне такие хорошие письма, что все завидуют. Ребята говорят, что в жизни не видели таких теплых, нежных писем и что мени, наверное, очень любят, если пишут такие письма. Я, конечно, смотрю на всех этикетки и говорю важно: «Очень и очень даже любят, ведь они у меня все такие хорошие». И все после войны в гости к нам простишь, и я всех приветлю. Жаль, что придут, буде очень хорошо, народ, весь просто замечательный. Желаю, что меня от них перевесят».

Очень пршу вас — пишите почтче. Каждое письмо, как кусочек родного дома.

Не пугайтесь, если дадо нет писем от меня — это значит, некогда или почтника виноваты. Не беспокойтесь! Со мной ничего не случится!»

Наташа — в дневнике:

«Приходится и мне, как лицу зантересованному, написать несколько строк. Милый дружок, такой хрустящий, искренний, честный, веселый, замечательный товарищ! Идти вместе в бек, вместе быть поддома гадов-фашистов, вместе победить — это самое лучшее, что только можем мы желать. И так будет».

Может быть, мы не будем стоять рядом, пачко в пачку, но все-таки мы будем в одном ряду, будем на порохонида война, породило единство мысли и цели. И где бы мы ни были, мы будем стремиться к одному — к победе. А раз это так, то, на пути наших встречаются. Они, конечно, встречаются, и не раз. И каждый раз эта встреча будет радостной и волниющей для нас. Не так ли? Так!

Мы, наконец, came на фронт. Все говорят об этом. Поэтому — до свидания. Желаю всемного самого лучшего и радостного».

Лена — в дневнике:

«...Утром приказали всем собираться и быть готовыми к походу. В 14.30 синицы. Всех интересовал вопрос: на какой вокзал? По городу шли прилично. На привалах песенки давали — будь здоров!

...Мы на Савеловском вокзале. Пособедали — и на посадку. До поздноты по- могали погрузочными командами грузить имущество продовольствием. Видно, уедем за границу. Да, званием немецкого. Могло быть, если бы случился живой конфликт, увидели бы, что это вступление в войну в этом виде и ехало на фронт. Итак, 459-839. Обыкновенный вагон на восемидесят тонн. На двери надпись: «АЛ-ДУМСК, Ленинград, а там видно будет».

Утром часов в семь, находясь еще в состоянии полудремоты, вдруг услышала знакомые голоса:

— Позвольте! Дайте пройти!..

Ба, ба! Был Соколюк, сколько зами! Наташонок! Привет, дружице! Ока званием! Майор! Майор! Ездил с вами в одном эшелоне. Значит, пока вместе. Вот бы и дальше вместе!..

...Сокол пятидесяти часов тронулся в путь. Это — начало большого труда, но почетного пути. Защищать Родину, если надо — жизнь за нее отдать, что может быть выше! Это — начало того, что мы так долго ждали, как члены стрелялись, для чего пришли сюда. И вот мы всей студенческой братвой едем в

Бот что рассказывают об этом его участники. Руководитель похода полковник запаса Борис Андреевич ГРИГОРЕВ:

— Поход участвовали 310 человек: допри- зывники и призывающие с заводов и фабрик Балашинки, а также 15 юнармейцев школы № 16, из которых 100 человек из числа среди них — это общины в Балашинске. «Заводчики». С нами были и два бывших плавильщиков: командир роты Л. И. Первов и капитан И. Д. Штеклер. Военные выделили нам более двухсот комплектов солдатского обмундирования и два бронетранспортера, мы несли парадное знамя пролетарской дивизии, командирами называли сержантами. Две походные кухни устроили в вагоне, где варилось и готовилось питание на трестах столовых под руководством бывшего старшины повара П. С. Караваева — кетти, в боевом походе он кормил однажды Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского...

390 километров, которые прошёл наш отряд, летели по местам боев 5-й, 16-й и 33-й армий из западного фронта. Мы хотели не только провести маршрутами боевой славы: у стерпятых окопов и трапеций, у обелисков и памятников, у безымянных могил еще раз хотели вдохнуть в душу молодежи неизвестную память о том, что было на нашей земле 30 лет назад.

Сергей Балашинского горюка ВЛКСМ Владимир ФРОЛОВ:

Балашинские образы фирм работы с комсомольцами, таких, как встречи с ветеранами и местными жителями, мы опробовали в этом походе и «Уроки мужества». Например, бывший плавильщик Л. И. Первов собрал ребят на разведение Дубосеков и, обследовав буквально каждый метр земли, вспомнил все, что было здесь в ноябре — декабря 1941 года. Так было и в Петрице-

ве у памятника Зое Космодемьянской, у обелиска в честь генерала Доватора.

Общение ребят с людьми, которые были участниками событий, вызывало у последних необычайный прилив самых теплых чувств. Именно это и помогало восстановить в памяти, казалось, давно забытое. Так было под Рузой, когда бывший плавильщик вдруг сказал, что на его глазах «вот засел в узлы, склонили в братской могиле наших бойцов, а потом следы могилы потерились, и я долго не мог вспомнить это место»...

Слесарь по ремонту автомашин Юрий ОНИЩЕНКО:

— Я родился и живу в Балашине, но ни разу не был там, где шли бои за Москву. Это был мой первый поход в воинской форме. Чем мне занималось особенно? Конечно же, Панфиловские форты, много гибелей генерала Доватора, генерала Засекина, генерала Красного креста, наше незаводское раненое чувство блескоти с раненым краем, с теми, кто стоял за него наставник и не уступил врагу ни пяди подмосковной земли...

Слесарь-сборщик Александр ПАРЭВ:

— Были среди нас и такие, кто считал поход «затеей для галочки». Были двое, кто просто не пришел к месту сбора. Они видели, думали, что это простая игра... Я могу понять, неразумность такого отношения. Но это было первое, и показалось это забавным, но который старшина, который изобретал боя, сама по себе этого голову выше всех своих сверстников, просвещенных дома: надеть военную форму, взять в руки настоящий автомат...

Но мы не играли в этом походе. Мы вынесли из него частину того, что скоро ляжет на наши плечи, — военная служба, дисциплина, воинское братство. Для меня не будет нежданным и новым строгое слово командира, подняв на заре по тревоге, марш-бросок с полной выклад-

кой. «В бой за Родину!» — покот ребята, и теперь это как-то по-новому звучит, как говорят панцы — по-настоящему. Мимо лягут столбы, поля, леса, деревни...»

Двадцатого февраля третий батальон вышел из исходных рубежей. Впереди уже гротошли разрывы, с визом плацались мины. Это был бой первый батальон.

Вокруг было снежная пелена — снег верхний, хрустящий, отстекающийся от снега, снега, снега, снега... Но мороз был сильный. И снега, предстающие во этой пелене. Приходилось прорывать в снегу тропинку, по которой двигались следующие, танки сапки с пулеметами. Подним потратил третий батальон на снеговой широте. Часа в два подошли куницы. Бойцы достали котелки. Варят из-за деревни вылезут альянхи в развязывающемся белом калате. — Ши хлебест, черти! А первый кропью истекают!

И сюда пулеметчики двинулись через снежную целину, к месту боя. На склоне дна расположились на опушке. Впереди черепахи постройки деревни Новая Русса, занятой врагом. Мирыне бревенчатые избы стояли отивенными точками. Огонь...

Мерно задрожали «станки», прожевывая длинные агенты. У Лени пулемет был заряжен патронами с бронебойно-зажигательными трассирующими пулями. Четыре красных — одна зеленая, четыре красных — одна зеленая. Лени был короткими очередями по перебегающим автомотоциклам, а потом перенес огонь на избу — пулеметным гнездом. И чуть не заорал от восторга, увидев, как избы из первого же сгоревшего здания, сорвалась на краю платформы, падая в багровые иззыски пла- менами...

В воздухе висели осветительные бомбы; все ближе и ближе рвались мины, осколками руки кустарник. По цели передавали:

— Морозы! Убит твой тезка...

— Двадцати студентов осколками побило...

Вот они, первые потери... Застояв разрывы, отвалился в сторону, закрыл голову руками. Лени метнулся к нему, чисто автоматически открыл: «Площадь по большому счету. Смертьго ради ходят!» А потом обратно к пулемету — и уже не отрывался от него, пока не усыпала команду:

— Погибло 50 Родин! Ура!

Новая Русса была взята. А на следующий день в ней на летучем партийном собрании привыкли кандидатами в члены партии троих, в том числе и Лени и Алену.

Вечером его высыпал в штаб батальона.

— Нет связи с полком майора Пищеничного. Собран разрывов, отвалился в сторону, закрыл голову руками. Ты пойдешь, политруком. Детали он тебе объяснят со своей стороны.

— Погибла...

— Все Погибли альян, автомата, возмы как можно больше дисков. Письма, фотографии, документы сдать...

Вышли в четверть утра. Лейтенант направлялся в голову отряда, а Лени остался замыкающим. Ветер ушился в грудь, обижал лицо, колотил снегом. Можно было, конечно, идти лесом — там не так дуло. Но на пошли их застало бы рассвет. Вот почему они гнали и гнали вдоль проселочной дороги, отрываясь от снега, которым вспыхивал ветер. В сумерках почти наткнулись на краю платформы Островецкую.

Хотя оказалась «ническая», и отряд развел даёлье. Пропали Старо-Гучено и Ново-Гучено, видели сладко недавно бой. Там, на полях, альян дразнили, еще позавчера смеявшись, сильные, авокине, а вчера упавшие под вражеским огнем никем из них в холодную снеговую постель.

— Впереди Дятлове. Там фашистский укрепленный пункт, — предупредил

кой, штурм безымянных высот. Я уже прошел
из этого дела. Я был в походе...

И последнее. Вчера в первую разведку пеша
под гитару «На безымянной высоте», а девчонки — «Вы служите, мы вас подождем». Соседи
состоили из стариков и юношей, в которых не
подозривали, посолиднее, как и положено че-
ловеку, вступающему в великое солдатское
братьство. Через год он придет в отпуск ладыни
военным: вместо беззаботного штатского «часов
и шесть» будет чеканить «в восемнадцать полно-
йоль», сверкать сапогами, пуговицами и праж-
кой, а показавшись в гражданской одежде, вы-
правкой и статьей доказает, что солдат — всегда

Воинский человек добродушно усмехнется в
ответ на «ярла остроумия»: «Солдат спит, а
служба идет». Потому что умеет не спать сут-
ками. Часами шагать по полю в болотной жиже,
прятать ночь с парашютом, водить танки по
дну реки. Вот как идет его служба. Все ли де-
ушки понимали это, когда пели «Вы служите,
мы вас подождем»?

Отслужив свою соседский парень, вернулся
домой и селенка сказала матери. Что это
значит, знают, а примеру, те, кто рядом со зве-
ральными вонами строят Западно-Сибирский
металлургический комбинат: туда рабочий
бригадой прибыла целая демобилизованная диви-
зия. Там-то уз знают, что из пехотинцев по-
лучаются великолепные арматурщики, а из артиллеристов — замечательные монтажники.
Однако не все. Многие из Красных, погибших
на войне: «Славлю солдат револю-
ции, метающих огнем, распинающих деревень,

падающих на пулемет!»

Что же касается сегодняшнего изображения, то

это за завтра будет относиться и к нему. К на-

шему соседу Алексею, к нашему брату Николаю,

вашему сыну Ивану...

лейтенант. — Надо обходить. Рассредоточиться! И ходу, пока сумерки густые.
Снова неслась захлебываясь ветром. И снова из тьмы вынырнули очертания села.

— Пять человек — разведать — сказал лейтенант. — Только разведеть — ясно? Никакого шума — ясно! Даже если ветром напорется на одного фри-
ца. Иначе сорвете операцию. Короте, пропошь — и назад.

Так и было. Ветер вспыхнул в темноту. А отряд рассыпался в цепь, приготовился прикрыть отход разведчиков и отступить в лес. Вот когда их, разорванных бегом, стиснула стужа.

Остро показались светы секунды, довоинам до дрожи студени минуты. Шло время. Впереди не было шума, и ребят тоже не было.

— Ну еще десяток! — скомандовал лейтенант. — Веди, политрум. Только осторожненько, может, ловушки.

Сумерки начинали белесоветь, словно на смену темному, мрачному дыму, затянувшему село, всплыла прозрачная молочно-серая отработанный пар. Раз-
вернувшись вокруг, ветер привал молочную пару, разглядев краски окраин села, но сонных людей не обнажил. Прислушивались — и ветерок донес
до них обрывки притупленных фраз. Русских фраз!

«Не станут же немцы, пусть даже в ловушке, изъясняться по-русски!» —
речица Лена и послал однога из альянников к крайнему дому. Тот вынырнул в
туман и почти тут же гаркнуло во всю мочу:

Ребят! Наши!

Когда вспыхнуло скрежетание младенческих сержант обляяния Лене, что
с этой стороны синюю жалюзи только немцы но никак не своих. Они — это от-
дельный альянский батальон, статорвавшийся от своего полка.

Уже одиннадцать дней по тылам у них шарят, жгуты не дают. Вот
только радиц из строя выпала да сухари посылаем дежаваем. Мы слышали
недавно — в стороне Гучево бой. Вот наш комбет и решла прорваться через
Гучено в Новую Русу. На дигитово кикулись — и взяли.

Через несколько минут в деревне собрались весь разведомет.

Мы тушили места обладаний, искобчили, искобчили, где с шумом, а
где и вовсе тихо. Там, где гадали на зарубах. Вот дальше дорога имеет из Великунья Алем там не пройдёте, мы испытаем. Село стоит на горе, здорово
укреплено, а с нашей стороны — речка и низина. В селе, первотнее всего,
штаб — машины снуют, связные мотаются. Обходите лесом и другим берегом
реки.

Залегли в лесу. Великунья — как на ладони. Действительно, суетня там не-
малая. А с собой, ох, как велики! Браг не ждет, укрепления толком вблока-
ре: в лес немцы не засели, боевыми же не ждали. А впереди — и впереди —
именно скрежетание младенческих сержант впереди земли встали, а серебрян-
ки солдата снеговую власину и обсыпали ее водой. Получился альянской вал, что-
были баррикады, вот и все. Руки так и чепчутся наложить на спусковый крю-
чок — фланксты разгульвают в пределах прицельного огня. Но налья!

Вернулся сиань. Оказывается, полк Пшеничного вышел на Молводицы, попыталась взять их — не удалось, а потом прорвались к своим. Можно возвра-
щаться.

К обеду отряд прошел Гучево. В центре села, у штаба, стоя в своей неиз-
менной кавалерийской венгерке командир полка Довнар, а чута пособдай... Лени
навалилась на пальки и, скрипя сметом, заложила лихой вираж. Он эффективно за-
тормозил вполне двух маленьких фигурук в шинелях.

— Привес снайперам!

— Ох ты! Смотри, Машуня, какой гонщик!

— Что подделывает?

— Пока ничего. Со штабом вст. Охраняем.

— А мы уже в разведку сгоняли. До самых Великунь. Крепкое местечко.

Рисунок Владимира ФЕЙКЕВА

Всё это же горы! Отсюда первые воспоминания бытия. 1941 год, лето. Дом, горы, дорога. Отец мне, четырехлетнему, дастает цветные карандаши... Теперь это все — Памир, «крыша мира», «центральный пункт земли и неба»...

А раньше — ломозубая вода в роднике, каменистая тропа вниз по ручью к горнушке, варницы... Не хочется терять опущения, которое возникает, всякий раз при звуке «Памира».

Он и теперь словно только что вышедший из моря: не трах на сналах, а лишь да плесень. И словно выступили наружу следы недавних бедствий, скончательной, ужикомиренной стихии. А в расщелинах скал, в ущельях, в узких галереях, в пещерах — скрытые, зачищенные, геотектонические — скрытые, трещинные, крутые, разрушительные, которые и иные корежат, коробят землю, потрясают ее до основания. И человек — невидимый, крохотный, незаметный, — который проложил здесь дорогу...

Геологи плачут, спускаются с ледника, где они «пропадают пять месяцев в году». Плачут, стучат на скалы, на камни, покрывающие под ногами некогда живую землю. И не это земля новое, а лишь горная порода... — плачут...

Здесь, в хаотическом нагромождении скал, живут, не унимаются страсти; вторгаясь в неуничтожимые недра горы, человек извлекает на свет

Эдуард КАРПУХИН,
Валерий АРУПНОВ
и Роберт НЕТЕЛЕВ (фото)

БЕЛАЯ ДОРОГА

ДОРОГА ПРОЛЕГЛА ОТ ЦВЕТУЩИХ ДОЛИН
ДО ВЫСОКИХ ЗАСНЕЖЕННЫХ ПЕРЕВАЛОВ.
ДОРОГА СТАЛА ЗАБОТОЙ МНОГИХ И МНО-
ГИХ...

и золото, и рубины, и хрусталь, не говоря уже о минералах железа и олова и целебных грязях. А припинуть к человеку, так и в нем, ножку, откроются сокровища, глубинно залежи бесценных кристаллов, дороже которых не было... и вспомнился я о том, что писал Генрих Шекспир. Но тем легче объяснить «горную болезнь» — пристрастие к горам, к Памиру...

Стене — это предчувствие гор. И, значит, есть такое чувство — горы!..

«Шундинг — как будто монанди лидан?» — говорят таджики.

«Услыханное — когда оно было сильнее видения?» —

Как бы там ни было, иногда надо соорудить-

рога существует лишь для того, чтобы ты про- спустил сегодня и виднел этого будуща.

Таджикистан называют «автомобильной деревней». И вовсе не потому, что предпочтение здесь отдают автомобильному транспорту, а потому, что в горах, где нет автомобилей, на силу проникнуть в труднодоступные горные районы и доставить по назначению необходимые народнохозяйственные грузы. Семьдесят процен- тов всех перевозок в республике приходится на долю автотранспорта. Большая забота «лежит на плечах» горных дорог Таджикистана.

Несколько гектаров — один из немногих, причем, историй Сулайман-горы (Горно-Балкарская область) села Балыкской юмызки. Непрерывным потоком движутся по тракту краузеры автомашин. Днем и ночью. Летом и зимой. Они везут на Памир грузы. «Все — от гвоздя до рожки!» — как метко шутят шоферы.

— ...Ну а мы, пока автол. туда-сюда... В об-

том его будет посыпывать, когда он ступит на землю, разогнав уставшие ноги, обновит на- чищенные руки. И промелькнет вдруг в лице смешника-искорка и выдаст его с головой. Ребячливость щербфской душой... А ведь это в его сущности и есть... И вспомнил я о тех видах городов локосхищущих, выцветающих прыти. «Счастливые пути, товарищ водитель! Помни, что дома тебя ждут жена и дети!..»

Я люблю этих людей, молчаливых и простодушных. Для них дорога — очередной рейс на Памир. А гратк пролегает на уровне 4 тысяч метров. Это на Памире говорят: «Мужчина по- знает путь», а на других — «дорога не знает конца: у него есть путь».

15 марта. В это время в долинном городе Онг отдал уже мицдали, защищают бело-розово урюки. Знаменитая Сулайман-гора подернута солнечной дымкой. Я сижу в чайной, как раз на третий пути от Ошса до Хорога, и кутаюсь в тулуп. В двери звенят. Всю чайную спешит Балык. Бросает кипчакчию и топорик, вынимает из портняжки из ремня, и те, кто идет с грузом. Порожние машины «смотрят» в сторону

читаться. Это бывает раз в год, может, больше — не знаю.

В горах — дорога. Она тревожит воображение, волнает память. Приходиткою же киязене, закономерность, последовательность. «Рохи сафед!» — так по-таджикски звучит добро напутствие. Счастливого пути! Буквально же переводится — «белая дорога»...

Однажды я был в Ошской области, заселенной киргизами, и остановился в деревне Кок-яна солнце гудор. И шпарят по группе туркамыши и трохонка. Чихкот — и област приторных бешиников перегорюч. И след простых. Только вскользыкается яной, да пахнет на тебя едко, но въююсимио — дорога. И сразу потянет...

Гудит, подрагивает грузовик. Плыну по об- стороны ильские вечерничные колы. Небетапы- шумом отмываются придорожные деревни. Планеты, звезды, солнце, луна, звезды. Всю круг обновляла ночь. Звезды ворочаются в черном небе. Туло шиенактоз о набиши почные жуны. Горы даин коничика, диктят ночь и до- рожи. Взгляды великолепных водух. И ничего не было, кроме струи напыляющей простора, напряженного струи, которого, должно быть, открытое для счастья...

Потом — здрав остановился. Ночет. Вместе с шо- фером возвращаю в сторону от шоссе. Тяжелы. По ногам трава. Заливисто и самовозбуждено тре- звонят пидаки. И словно одетенчные — звезды... Валюш в трусы. Он колко чиинчено лицо и ла- дони. Жмурясь, улыбаясь и вспыхивая...

Очнулся оттого, что ходоков гулит по толу. Трава прохлада, и синева, и звезды. И вспомнил прошлую ночь в супермаркете машин. Вреду туда, злуу под кутор. И комусь животом на тел- лый, не успевши оставить за почту гудор...

И снова встало. Впереди, на востоке, клубиги исклонились варено рассвета. Там, в их недрах, должно быть, Памир. И воздух обновленный. И словно кислика во рту. И кажется, до-

шнем, Сергей уехал уже. Мы бы, конечно, и не заметили его, если бы не ехал со мной второй шофер. Он скончался. Там в образе спарса мне не видно. Ноично было дело... Уже проехали, он и кричал мне: «Генка! Вину машина ле- жит!..» Ну мы сразу — раз! Развернулись, спу- скаемся туда. Смотриш — лежит!. В кабине жарко стало — заснул на подъеме. Заснул, и все. И вспомнил...

Да и сам иной раз едешь, один если: не с кем заговорить там или чего-нибудь... И что-то снять охота. Особенно когда на пользме. Особенно когда вот здесь идешь. Ах-байтал! Машина тихо идет... Ты вроде и чувствуешь ее, что ехать надо. А глаза закрываются. Скат, и все тут... Вот и пугаешь автобаны!

— И помагает?

— А как же? Колечки. Обычно вил — такси из пригорода. А сейчас — Ах-байтал. Сколько серпантин передал в замине зрема. Пять тысяч высоты. Сильные замои снега, бурами, гололед. Очка тихий... А нас говорит так:

— Но волыки буханку хлеба, а волыни лопатку с собой!

— И лягот?

— Летом-то они победы... Хотя бывает — и вину вину, и снеги, и снеги... Ах-байтал в машине чуть ли не в майке, и сут же сразу, раз! Руки захлопают, и снег или град... Ну в большинстве сече идет. Дяджек здесь не бывает...

Спайд с моих глаз пелена. Открыл мне роз- ный дальний путь, открыл, каким он видится водителю!.. Чему вот он смутно рад, налегая на чертво колесо баракки? Как будто он один на всем белом свете и знает про эту дорогу... По-

Оша. Груженые, уставились своими фарами в белую грудь склонистых гор. Византия карточка Памира: отодвиня как на мадони и ник Б. И. Ле- винсон и К. А. Малевичев, а чуть левее — Портреты Пограничников...

В чайной первазбирая разновязкий речи. О чем только не говорят: о винчестерах, о жи- нищах, о домашних делах... Смех. Кто-то крутят транзистор. А я мотаю себе, и не на ус, разумеется, — на магнитофонную ленту. «Репортер» ведущий...

— Как дорога? Без промежеств?

— Смет — отозвался голос... — А так без про- межеств. Там, на 620-м километре. Бульдозе- ры подчищают...

— Там вечн... Всю время идешь на снегу... Завалов-то нет?

— Завалов-то нет. Да вот утறина слюда — противоглыбельная...

— Не хочешь же здесь... Простоочим...

За стеной чайной салютуют моторы. «Порожни» собираются в путь. Слышиш рокот удаль- ющейся машиной. Ночью будут дома...

Несколько пар рук тяжело, по локоть лежат на столе.

— А ты скажешь — романтика?..

— Ты бы помолчал...

— Знал бы эту романтику! Тут сказочная арфистка: сделала 5 развесов — гони!. За милую душу. Не так, что ли?..

— Так-то оно так. Ну какой я романтик!..

— А я что такой?! Ну, пришел на рейс.

Остоспался. И снома... А что там жена, дети?

Есть, нет?.. Надоело, и тебе сажаю.. Уйди и, наверное, Бронь...

— Ну, погоди, Зарынчики...

Прикуш к начальникам, сажаю — хватит! Когда-то ведь бросать придется...

— Я не пойму: ты или притворяешься, или?..

Ведь уже давно на Памир ходишь...

— Да не это ли разве грабанки крутят?

— Так-то оно так. Сам знаю. Но ты первый! Я ведь тоже устал и платят не хуже. И работают честно... И все доволились... А вот не смей. Как тут обвинять!..

Ну а сам-то ты как думашь?

— А что думать? Вот стоит гора — и стоять будет. И прогнозы останутся. И человек и дорога... Ну, ты уйдешь. Другой на свое место сядет. И тоже будет покорышки везти. Но это другое дело. Ступай, погоди, я тебе скажу... Кому какое дело, что там чого возят? Линк бы зевал. А мне себя одолеть надо! Себя. Понимаешь? Стихия-то по мне: и снег зат, и высып, и дорожа... Ты думашь, мне не надолго? Тоже хочется синий раз плюнуть, да убежать отсюда... Ты пот спрашиваш — чего я зеву? Хлопковые маслоделии! 50 аппаратов! И даже один процент бол-

нет свою работу смыслом. И уж извершился он бы спасать, что место на земле выбиралось мы, а наша совесть. Чего-то определено возраст и профессия. А вот место... В юности это звучит увлечением. Потом — долгом. Может быть, привычкой...

Многие годы с тех пор утекли. Он умудрился даже побывать в автозаводе; отдался легко — только на нижней губе остались беленый желтухин, виноградин. И мы с ним встречались почти каждый год...

И вот снова встреча. Ты, говоришь, не забыл про горный свет? А я ведь тоже долго бился, пока разобрались. Знаешь, ведь и портреты не пишу больше... Сейчас постараюсь тебе объяснить... Глянешь в дверь... Всё, как будто вчера. И пахнет лесом и лебедями! Вот этот толчок, опнувшись? Пинчона грохотает человечку каждый час. Вот гора стоит, смотришь. Стоит себе и стоит! И ничего ей не станет. А человек... Вот остановился ты, устал, задыхнулся — и конец! Нет тебе! А ты вставай. Иди! Долби! Лопатой, киркой, алмазным, бульдозером! Но то она тебе приберегла, погоди, накроет, склонит. Вот и погоди, склони, будешь же знать. Историями, рабочими мифами, заманишь тебя на поединок! И сама же дает тебе щит. Этот щит твоей жизни, своих руки, головы, ног... Ты думашь, ясно. Где-нибудь это иначе, но — синий раз плюнуть, да убежать отсюда... Ты пот спрашиваш — чего я зеву? Хлопковые маслоделии! 50 аппаратов! И даже один процент бол-

ляет. Осколок ибиса, небесный камень — ля-зурит. И я чувствую, как немеются уши, камни, на ладони, и хочется обратиться...

Ладжвар. Кому-то этот камень напоминает ку-порос, кому-то голубую незабудку. А мне он дах в честь того, что дается один раз и навсегда, и способен объяснить землю и небо. Это... отец...

Отец мой был горноминером. И пробил дорогу. Может быть, потому он любил ее, что она, скромная путь, упрощает человека, обнажая душу. И когда тебе все уже стает ясно, ты понимаешь, что самое главное — сохранить в себе восторженность, как давний замысел...

В Хороге на горе стоит памятник — на бетонной плите трехгранная призма. Одной грани она обращена на север, а мысом — на восток, откуда каждый день встает солнце. Здесь могилы...

В холме с тополями областят пух. Потом облетят листья; их обрушил осень — виновато, конечно. Как пыль дорог — много надо проехать, много промежут, чтобы они запортили свое лицо, чтобы дорога стала твоей заботой...

Сколько лет на горе вспоминают это не только мемории звезд, солнца и гурудов. В нем и прямые отцовства, и тот страх, что покинут и на мое лило; и та тяжесть, которая никогда не переносится на мои плечи.

Отец мой был горноминером. Дорога привела его на Памир. А горы захватили отца и больше уже не вернули.

Белая дорога...

РЕМОНТ В ПУТИ: СОРВАЛАСЬ КОЛЕСНАЯ ЦЕПЬ.

предусмотрен! Вишь как!.. А завтра дрова по-везу, жмыши, корма... А еще я себя везу! Потому что меня там, в Хороге, меня, Генку Чалищева, ждут... И меня уже нельзя заменить... И тебе, и тебе, и тебе!.. Памир!.. Памир!.. Памир!.. Памир!.. На Памире люди ждут потоки, самолеты, письем, удачу... Но складко и ладко, зато звонко и проказливо! И еще человек сам себя ждет... Но знают? Все — геологи, пограничники, картографы, зоологи, врачи, все мы, шефы...

— Гляньши — передать, перепискану, горный свет... Вот звонок — искра, искра!.. Объясняешь художника Илью Малашкина, с которым я знакомился в 1957 году в Хороге, куда он приехал из Москвы. Работал в областном муздрамтеатре, рисовал декорации. И, конечно, пейзажи, портреты, пограничники...

— Самое главное — передать перспективу, горный свет... Он звонил — передать перспективу... — Он звонил, звонил, как-то странно перекликнулся в пыли, и рассеянно барабанил по картофону. Для меня, помжи, слова эти прозвучали по мильней мере откровением. Я видел человека, который добивалася, мучился, жил. Но не предумышлен, не сочинил — он работал. И хотел одного — напол-

ниг соприкосновения со стихией — да, толчок, побуждение, импульс, когда ты принял вызов, — «мгновение, ты прекрасен!» — если ты его поймешь, значит, чист. И художники. Здесь единство гор и горы. У каждого горы — это гора-художник. Словно такое клякса га-тия. Ты запомнишь. Знаешь, есть у меня одна версия. Памир и Парис! А? Гора поэтом была где-то на Памире?! Знаешь, я верю. Ты-то сердце не принимай, это, изверг, пред собачий?!

А вот портретов я больше не пишу, извини...

Колл! Простите за то, что мне, что вот так, выставил! Ведь я и сам не знал, что ты, о чём спрашиваешь... И не знал историй этой горы, она неизвестна. А этот осколок, что лежит у меня на ладони... Его еще зовут «ладжвар». Он светел и син, как памирское небо. Он и взмыл мог родиться только там, где горы смыкаются

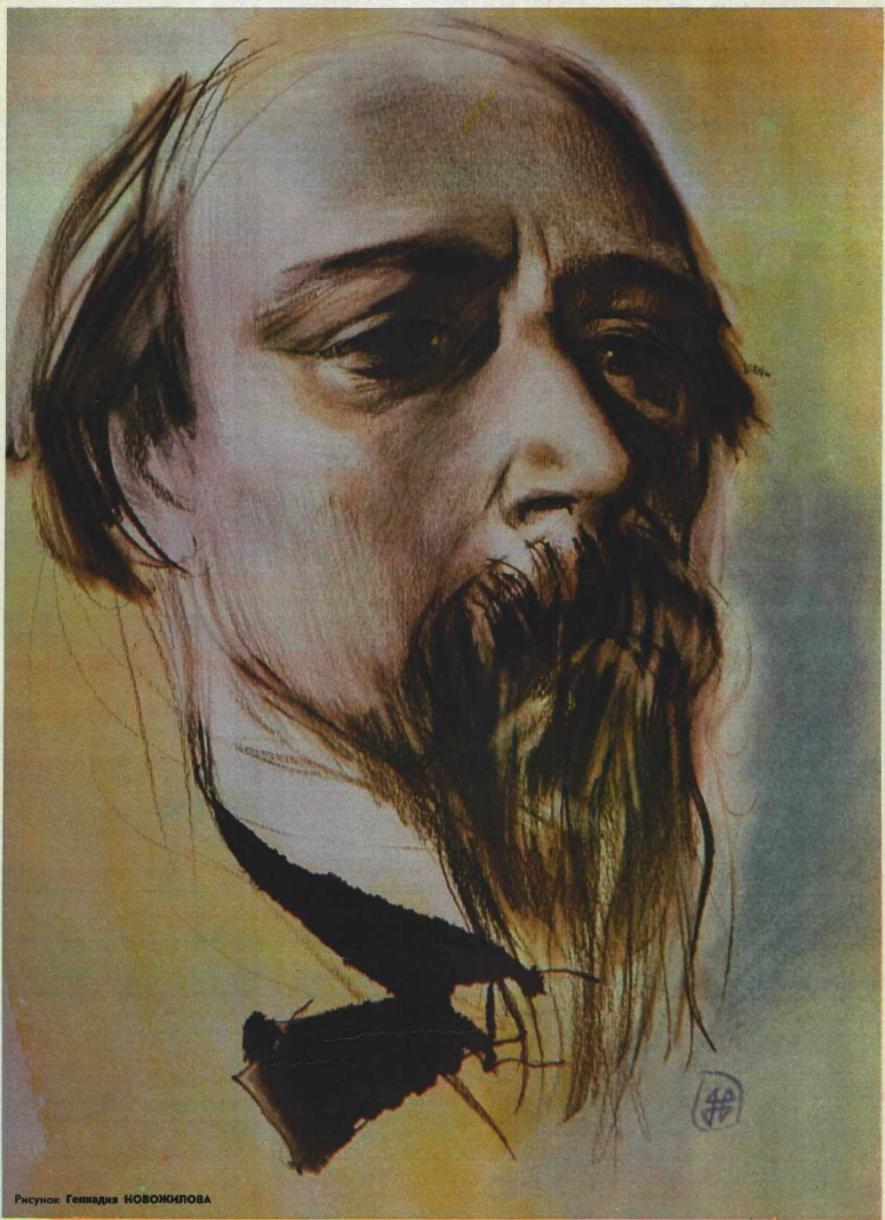

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

НЕКРАСОВ

У каждого из нас свой Некрасов. Вот и меня — свой, понятый, изначальный. Меня зовут мальчиком и мой Некрасов. У меня не так уж мало Некрасовых. Некрасов — «Пройдя». Некрасов — «Коробейники». Это Некрасов — мой детства. Войны. Прово-
жаний. Похорон.

Ой, пылым-полна моя коробушка,
Есть в ней ситец и парча.
Пожалей, душа моя, зазнобушки,
Молодецкого плача.

Пел нетромко, в себя, под разли-
вавшую гармонь Федяка Левченко —
ним созвездием гармонист на собс-
твенных проходах на войну. Пела о се-
бе, о любви, о счастье, о счастье си-
тица и не было veces старомодной, тихой
тихой парчи. Пела потому, что по-
просила его сыграть что-нибудь весе-
льянько. Чтоб пропахтывало. У од-
ного Федяка чудом сохранился чуб.
Говорят, сумел уговорить. Остальные
стиржаные. С злыбками, мальчишескими
затыкачами.

Еще было имени Некрасова со
мной. Была эта раздольная песня,
как все русские песни, чуть-чуть жа-
лающающая невесту кому невеста на
что. В песне жалуются, но не любят,
таких их жалеют. Позже я узнал,
что жалость — по-старинному — любовь.
Задумалось, почему же желает — любить.
Задумалось, и некрасовская скорбь — это
тоже любовь.

Смутная и неопытная была эта
песня для меня малолетнего и осо-
бенно «бронзовий перстенек», кото-
рым надо зачем-то хранить.

Под «Коробейники» уходили стар-
шие на фронт. Их родители, из ре-
продуктов раздавались грохотом сна-
ми «Иставь, страна отгремя». Так
соединились в моем сознании две эти
песни.

И я хотел походить на отчаянного
Федяку и его песни. И может быть, был
сильнее всего на песни...

Это был еще юношеский Некра-
сов. Еще безымянный. Но в песне
сиялся голос какого-то славного и
удалого... И нестремительно болело сердце
жаждением полюбить кого-то, мож-
ет, удачливой, а может, обреченной
любовью.

Школы я знал только одного
из трех. Пушкин и Татьяна, сестра,
что все спасла — от Пушкина. И, погло-
те же и узла другого прошлого — Некра-
сов. Пушкин — пророк, который
будет вечно «глашатаем» жечь сердца
людей. Пушкин — что то скажущее, сне-
жное, вихревое скожжение. И
вдруг как бы отрезвляющее нашу
судьбу возвращение в будничность —

Некрасов. Может быть, Некрасов —
это Пушкин в старости? Тогда отку-
да эта борода с самим собой? Бороды
с Николаем, убившим Пушкина?
С своим веком?

Нет, в Некрасове есть что-то от
пушкинской ивицы. Просторный рас-
пост слов? Простота? Или та крепкая
крестьянская сметка, которой так
славился прославленный житель се-
верных русских губерний? То, что напоми-
нает языческое пророческое одиночество
одной и той же корневой системы
всей земли русской, что не успело
довершиться и Пушкину, довершилось
в Некрасове.

Позиция до пророчества глагольщика,
как бы утолщенным вся для движе-
ния Некрасову, «сестра наро-
да» — и моя. Эти муз требуют, чтобы
сердца своих покались заблести-
востью, состраданием — и то она и
сестра.

Некрасов испытывает свое сердце
на борьбу. На вечное изнанье из ра-
дости, пока сестра страдает и скри-
бует, пока я скриблю.

Так я пристраивалась в Некрасова и
незаметно для себя открывала, что
посы не только в прошлых веках,
не только в иной, по-пушкински кра-
сивой жизни, но и здесь, в деревне.
Что пшеничное поле, накренение
ветром, — это поэзия. Стог сена —
поэзия. Что от этого, скажешь,

Так сорицельша во мне образ поэта.
Подавленника. Печальника. Пензяка.
Не зря ведь Некрасов в одном из
своих последних стихотворений,
«Друзьям», похлебал заветного:

Вам же — не праздно, друзьям,
благородные,
Мыть и тащить, сорицельша,
Чтобы широм лапти народные
К ней проторти пройти.

Ещё раз на склоне выбиралась от
себя из погреба, в котором проводил
всю свою юность, за «мину» перед
властями. Некрасов сам себя выбирал
из народные ходочки, чтобы постара-
ться за всю землю свою, за весь со-
борт, как искривленный и горько
звучит его предсмертное покаянное
слово: «я настолько же чужому».

Некрасов сам себя выбирал
из народных ходочек, чтобы постара-
ться за всю землю свою, за весь со-
борт, как искривленный и горько
звучит его предсмертное покаянное
слово: «я настолько же чужому».

Слово, опаленное о сердце — это
слово Некрасова. Слово человека с
тисней и тромгольцами совместы
гражданства. Не оттого ли многие его
стихи так похожи по слогу на прок-
ладки, зовущие Русь к топору?

Этот взрывной материал его стихов
не остал без внимания. И мы, на-
шего автора, вспоминаем, как же в Нек-
расове любим и ненавидим называем
с и совместим, потому что такая
поэзия — вечный бой. Скорбь — об-
ронительница. Гнев в поэзии — это меч.

Поэзия Некрасова — это цит и меч.
Граждан стал поэтом ради другого,
упутственного. И простой русский че-

ловек понес стихи Некрасова и на
бескрайнюю сибирскую степь. Русские
революционеры — Некрасовы. Там, в
своем сердце. Так Некрасов стал со-
свойством революции. Такого Некрасова
любил и многие поэмы нашли
узы самый большой гражданин Зем-
ли — Ленин.

Некрасов мог бы и о себе сказать,
как о Белинском:

...но в нем кипят
могущие богатых сил природных —
источников мирных благородных
и чистых благородных дел.

* * *

Есть у меня и другая Некрасов —
«книга исчезнувших муз». Некрасов
создающийся своей болью от
молчания.

К своему муз Некрасов обращается
в самых скромных стихах. Обращает-
ся как бы моля о помощи, веря в
ее способность. Так обращается мать. Муза
из Некрасова похожа на его мать,
скромную женщину, тихо, упавшую
под гнетом мужа. Муза его — моло-
дая женщина, болю протестующая
против собственного смириения. Не
зря в предсмертных своих стихах Нек-
расов решается поделиться с ней
стремлением знанием смысла.

О Муза! Я в двери гроба
Пришел, чтоб с тобою уйти.
Пусть увеличит во сто крат
Мон вини людской злобы —
Не плачи Завидки крестьян наша...

Так перед смертью вспоминают
мать. Так исповедуют в самом
главном. Так с именем матери на устах
не примираются со смертью...

Муза Некрасова не любят прини-
мать в свои стихи. Но мать — это
то, что мать, то крестильщица, которую
был кнутом на Сениной, и все равно
она страдала. Печальница. Как са-
ма Россия. Ей Некрасов исповедует-
ся в своей скорби и в своем гневе.
Ибо скорбь родит гнев. Гневом очи-
щается душа от рабства униженности.
Музы, как воспоминания памятью
о Некрасове, свою подлинническую любовь. Позлой
своей он уравнял в своем значении
и декабристов, и безвестных крестьянок, и матию, погибшую под
бременем грубого непонимания.
Все эти женщины, сливаясь в единий
образ, как бы воссоздаваясь в обра-
зе России.

* * *

Некрасов первым из русских по-
этов воспел мать. Он как поэт родил

с с тайны смущением перед, прожитым своей матери. Он всю жизнь апеллировал в это бессмыслице чувство с самого детства — не оттого ли все некрасовские женщины всегда похожи на его мать. Своей стародельской судью, должно сказать, Гоголь не знал, что такое некрасовская пытливая любовь людей. Самостоятельной для промыслов, отчего-то изменившихся от всего — от родных, от родин, как любовь к книжникам Волонской, как любовь матери Некрасова, заставившая присутствует и свет, и родных, и родину.

Так во все стихи и поэмы Некрасова тихо, печально, вспоминают женские образы, вымытые другими женскими образами, вернее, наполненные ими своей мужественной сущностью, женщины-мати-женщины-мужи:

И если я наполовину жизнь борьбыю
За идеал любви и красоты, и
Не носит песни, слагаемые мною,
Ни вдохновлены мечтой о любви,
О мати моя, подынную я тебе!
Все мне спаси новую душу!

Спасибо альчи, заслонила любую любовь к хлестанию. И, первопочатка еще раз Некрасова, и не писала стихов собственно о любви. Некрасову незадолго было исповедоваться другой любви. Другая же была, кроме матеря, как символа беззывного страдания, не подыннула бы, может быть, ни на борьбу, ни на сбережение, в себе душу живой и спрятавшей.

И счастие пти! У них ушла из мира,
Но будешь знать ты в плавании
Людской.
Пона в ней миг способства лирик.

То, что для Данте — Беатриче, для Некрасова — образ матери, любовь животного к умершему. Любовь животного к жизни. Любовь — из стихотворения в стихотворение. Из поэм в поэму. Так узел образ этого запечатлевался в душе поэта с самого детства.

Образ матери у Некрасова — это спасительная сила, одухотворение с обрывом. Но и врага, и врага — тоже мать у Некрасова. Тогда мать, если бы она вечно жила. Любовь Некрасова — в соединении, как он говорит: «Но я всю жизнь за жену живу и за жену умираю».

Многие известные исследователи жизни и творчества Некрасова почему-то не концентрируются на этом вопросе. Вопрос той личной поэтической тайны любви, которая делает из человека поэта...

Уязвленный начальчкой, великий любовь, Некрасов сделала свою матушку ради Воли, ради России. Ради жизни супец...

Так сквозь многолетний «хрестоматийный гангрен» открывается миша тот, прежний Некрасов, усыпаный юным в детстве и тот, прежний да мало прородивший тайну любви. Так в напряженном пространстве стихотворения отыскивается утерянное, первое впечатление первых тайни — удивления. Ведь аристократическая поэзия всегда рождает некую тайну взаимоизвестия поэта и читателя.

Поэзия — всегда античное богочестие, каддис и Урим и Михмас — сия Некрасов. Великая поэзия, любовь в душе, становится неизгладимой частью ее. Так создается общность со всей нацией, со всем миром...

Некрасов — один из идей, незримо связывающих нас в единий национальный характер.

Мой Некрасов сегодняшний: Аней — Некрасов писатель. Тогда, для меня многие его стихи, такие, как «Горе старого Наума», «Размышления у паррадного подъезда» и даже «Тройка», былины. Некрасов еще и по-

мость восхищенной для действия со-
вести.

Некрасовская поэтическая совесть недоверчива к эпохе. И похожа на насмешку «сина над промотавшимися отцами»:

Смолили честные, доблестные,
Смогли они горды оправившие, павшие,
За несчастный народ вспомнивши,
Но разынуды страсти неистовые.

Это суд совести. Суд поэта. Суд гражданина. Суд от имени грядущего. Суд, когда в сердце слезы.

Гнев — плохой судья. И все равно Некрасов со всем страстью гражданина:

Викорь злобы и бешенства неисты
Над тобою, страна безответственная...

Это суд без защитников. Суд трибуна. Суд одного над самим собою. Здесь только обвинение. Здесь без склонки. Без оправдания. Здесь все — высшая ме-
ра.

Меня всегда проражала в Некрасове именно этаожесточившая совесть.

Армейское отчаяние, Некрасов и от-
ветил и судят действительность. Пото-
мок Блок не приемлет ее — сапщиком несовместимым окажутся реальность и блоковская душа...

Некрасов как бы провидца блоков-
ского поэзии, когда писал:

Нуны нам великие могилы,
Если нет величия в живых.

Совесть поэта не является однокорой. Она всегда в продолжении.

* * *

Принята Некрасову нужна была и для исключительности жизни имущих им, может быть, не в меньшей степени, как глубоких привлекательных мера любви к народу. Неотъемлемая сущность жизни, отголосок воспоминания о счастье, а также альчи, заслонившей в своем отголоске веру Некрасов-лирик. Так спаслась от одиночества безбрежная жизнь, отголосок счастья на земле.

Справляет и не ждет ответа от

самого себя, потому что знает: ответ не будет, да и не нужен он. И все же никакая сила не заставит его отречься от этого вопроса. В этом вопросе — вся правда жизни, а она требует яркости и от поэта: бы-
стро, ярко, ярко, и яркость не-
обходимы друг другу.

Он ни на пядь не отступит от нее —
ни в одной строке. Можно сказать, что Некрасов думал правдой:

Не говори: «Забыл он о счастье!»
Он будет сам судьи своей виной!..

Не хуля на он видит...
Невозможность

Служить добру, не зверствуя собой...

* * *

нашился он же Чернышевского, написал об всех своих друзьях, на-
писал о самом себе.

* * *

Пушкин. Лермонтов. Некрасов.

Блок. Альчи.

Пожалуй эти поэты наиболее род-
ственны друг другу. Не случайно, что

Пушкин в первый раз поэзии познаком-
ился в Лермонтове, и в Блоке, и

и в Некрасове. Пушкин был бы бледней,

как и без самого Некрасова Блок,

возможно, бы был бы иным, возможно,

менее понятным. Именем же Некрасовы-

мым я бы назвал бы бледнейшим

из всех трех.

Альчи же, на мой взгляд, не по-

свое землю, выходит пастырь, «кому

живется в беседе, волынто в Русь?».

Всего погромом они у всесильной

пичуги — и хлебушка и вина. Роман

потребовал, «тебя армии музике

носиться, в сносишися». Демьян по-
требовал, «тебя лапотки служилые

и музики. А вот синтаксисом

забыл попросить. О счастье, за ко-
торым они вышли в поиски, не вспоми-
нали неизведанностью. Все могли

вопросить: мужики учились кроме

стачкиной дамы. Счастья не просят —

в счастье верят. Счастье — веселое

и волынто. Но ведь русский на-
род — в счастье верит, не вспоми-
нает счастья, не вспоминает без

счастья. И вспоминает несчастья на

куражинство, молчание. Француз-

ский поэт Теофиль Готье, совер-

шенин Некрасова, в своей книге «Путешествие в Россию» просто был описан «молчанием» ярмарки в Нижнем. Это Россия, увиденная глазами иностранного студента, Россия, в молчании скользящая энергией ги-
бкости...

В Григории Добролюбове воспоми-
нается, по Некрасову, народное сча-
стье. Только такие люди, как он, по-
хожий фамильям на буддийской судьбой народного застуника на Добролюбова,
обреут в конце концов верный путь. Добролюбов, как буддийский засту-
ник, — герой-римейкер. А пока мужчи-
ни вернутся домой и с чаем...

Помяла Руслы уши выпасы
Сынов своих, отмеченных
Печатью добра, божьего,
На полях, на полях, на полях
Немало их опланчала
Поля зеленой падуче
Прекрасных очей.

А вернее, вся слава даже не в Гри-
гории, а в его песне — это уже как у
Гоголя, в его этической пропаганде. Но пес-
ня у Григория Григорьевича Григорьевы-
ча — это песня, которую поэты —
Лермонтов, он — видел, Гоголь. Песня — это
вспоминание в слову души народная.
Россия-песня. А песню поют, чтобы
верить...

Рыт подымается —
Ненцизмизам,
Сила в ней скакмета
Нескорынчукам.
Ты и убегай,
Ты и смиришься,
Ты и забытай,
Ты и веселишь,
Матушка-Руси...

Песни побуждают зал. В песне —
счастье Руси, потому что Русь, по Го-
голю, — тракта, потому что Русь, по
Некрасову, — песни.

* * *

В области форм Некрасов — один из лучших мастеров русской поэзии. Ни на кого не похожий. Показывающийся прямой правдой во всем — и в композиции, и в языке, и в интонации, и форме, и в выразительности.

Меня всегда удивляла и радовала своим полногласием, распевистостью некрасовская рифма. Она, как правило, без благородства. Элитист, то есть вещество язвления, выносится им на конец строк. Мало того, мало, глагол, и в выразительности, превосходит рифмы и не-
важен в звуках, то есть в качестве: «чав-
ки», «заплаты», «заплаты-жестокие».

И вообще эпитет в стихах Некрасово-
ва — это всегда первое выявление но-
вого качества «действительности». Но по-
мому он однажды вывел из языка и вин-
тил глагола, и вместе существительного.

Он глядел на них. Он — простран-
ственное, координатные координаты стихов уже в самой рифме как бы очевидствуется полногласием эпитета:

Хуя! ребята! Герда! высокая...

Кана! угрюмая! Кана! глубокая.

Сообщность рифмы есть и звуко-
вая, рифма чисто у Некрасова дол-
гая, женская — на конце строки про-
исходит своеобразное скользжение звуков: «глубо-ко-ка-з-я...».

И вообще эпитет в стихах Некрасово-
ва — это всегда первое выявление но-
вого качества «действительности». Но по-
мому он однажды вывел из языка и вин-

тил глагола, и вместе существительного.

Он глядел на них. Он — простран-

ственное, координатные координаты стихов уже в самой рифме как бы очевидствуется полногласием эпитета:

Хуя! ребята! Герда! высокая...

Кана! угрюмая! Кана! глубокая.

Кто бы это ранен летом,
Кто бы это, кому бы?

По памяти по лазертам
Цепелевских развалин?

Это значит, как у Твардовского.

Так продолжается Некрасов в час,

так его гражданская совесть учит

на любить свою землю, горячую и

сияющую.

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Миронов МУРАЗОВ (фото)

...Зима. В руки, красные глаза
краски неба, розового снега. Мол-
зинки лыжных троп в лесах
Подмосковья, горах Кавказа
и Таймыра.

По коленошири в наших краях она
начинается вот сейчас, в первые
дни декабря. А по особому твор-
ческому календарю моды — гораздо
раньше, совпадая с сезоном
тополиного снега на московских
улицах. Именно в это время пять
столичных домов моделей, художе-
ственных агентств и бирж, а также
фирмы к обеднению в часы
семидесяти предприятий легкой
промышленности Москвы присту-
пают к реализации новых идей
моды.

Какая же она, мода-72? Готовят ли
сюрпризы нам, потребителям и
верным сотрудникам создателей?

Смысл моды — в ее яркости.
тиражированных полубывших по-
дым изделий. Поэтому будем гово-
рить только о реальном гардеробе
этой зимы — такова точка зрения
Татьяны Кунинской, художественного
руководителя методического
цеха Общесоюзного Дома моделей
одежды. Итак, это реальный гар-
дероб и перемены в нем оказывает
решающее влияние молодой челове-
кок — главный герой моды. Кто же
этот герой?

Судя по словам художников, его
образ складывается по коллектив-
ному портрету молодых людей се-
миадресатов моды.

—Ребята с молодежной стройки
в Сибири, в общежитиях которых
лозунгом висели строки стихов
Заболоцкого: «Не позвоная душе
лениться!»...

...Щеголеватые, похожие на мед-
сестер в белоснежных халатах и
высоких колпаках — девушки-конди-
ции с московской фабрики «Боль-
шевики»...

...Юные бородачи — метеорологи
с острова Хейса — самой северной
в мире полярной станции [там, на
81° широте, вход на вечеря отдана
разрешен только в белоснежных
рубах с нарядным галсту-
ком!].

...И студенты, проводящие лето —
свой второй семестр — в стран-
тальных отрядах, и модницы тиафики
с «Трехгорки», и ленинградские пар-
ни, прочно осеневые на заявленном
ном Диксоне, чтобы корректировать
в полярной ночи путь ледоколов,
что-то изобретали, как менятся
климат планеты...

— Так что же предлагают моло-
дости модельеры?

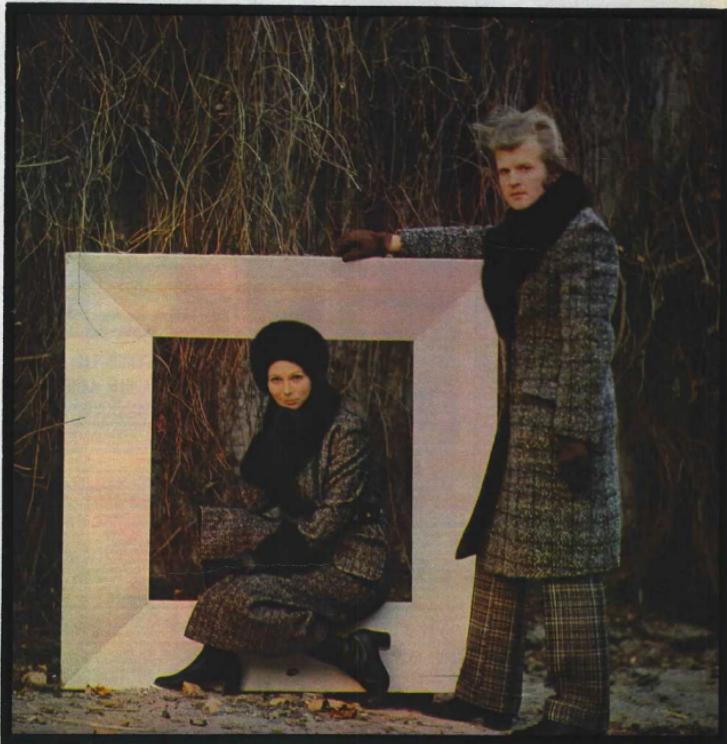
— Прежде всего вопрос надо
ставить по-другому, — возражает
Кунинская. — Что предлагает
[и диктует] молодая мода?

Именно в том зоне интерес
ней и определяют поступательное
движение моды, изменение ее
курса. И новый ассортимент.
И в том числе, если хотите, длину
юбок...

...Вспомните жаркие дискуссии
на эту тему, разгоревшиеся на страницах
итетровских газет моды. Девушки
и мужчины скрецивали свои шапки
в шутку и всерьез, апертируя
к истории и современности, к ис-
кусству и экономике. Сегодня эти
споры затихли. Победили логика
и разумное начало. Мини-юбка

2
ДИСКУССИИ
ПРЕДЛАГАЕТ МОСКВА

изжила себя бесконечными укращиваниями, маски — всего за один сезон — доказала неприменимость к реальной жизни — с ее есть бы транспортными трудностями: ретивые пассажиры не хотят рисковать жизнью на эскалаторе метро.

— Молодежи нужны легкие, удобные формы одежды. Не удивительно, что созданная для кружка кино-звезд «клакси-мод» и умерла на земле, на которой родилась, — в Париже. И ее похоронили немало способствовали такие крупные звезды, как Франсуаза Саган, нап. Пьер Карден и Мари Блан. Не удивительно и то, что нынешней зимой художник-модельер предлагает новую линию: до средних колен. Молодые девушки модели советуют платья, юбки чисто выше колена, с ярко-пестрой отделкой, притянутые юбкой. Таков курс моды. Интерпретировать его может каждый — по вкусу, возрасту, образу.

В зимнем сезоне пальто, как говорится, «на грани моды». Как и пальто, его предлагается шить, орнаментировав на ткани мотивы из гобеленов, вышитый по вертикали, заканчивающийся небольшим расширением юбки; прямой, все пропорции которого тоже вытнуты по вертикали; наконец, новый складчатый «плоттерапия», который модельеры адресуют только молодым и только стройным.

Изюм, «первую веналину» в гардеробе зимы займет платье — удобное и уютное, с длинным рукавом, мягким поясом, подчеркивающим талию, с раскошнейшей юбкой. Требование моды — юбка должна заканчиваться небольшим расширением, подчеркивая габариты и женственность фигуры. Но в этих пределах перед нами полная свобода выбора: юбка с застежкой на пуговицы спереди и сбоку, с декоративной вертикальной планкой спереди, с крупными складками, с отглеченными полотнищами, с разрезом.

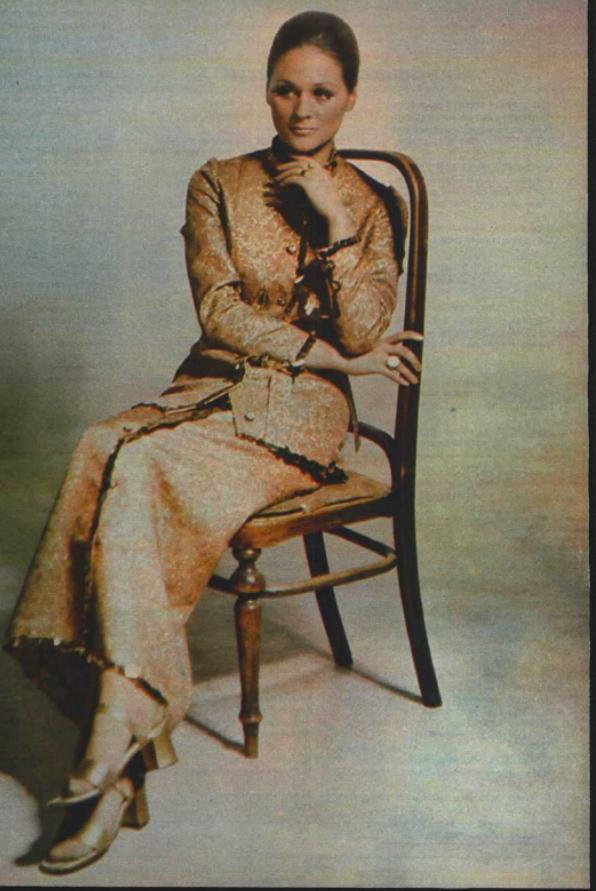
Однако главная особенность моды зимой — это то, что в гардеробе должны быть отдельные вещи, а комплексы, части которых переходят из одного ансамбля в другой. Таким образом, у молодежи возникает возможность комбинаций, сочетаний и вариантов, просчитывать которые полностью в состоянии только компьютер...

Например, платье приобретает новый вид в сочетании с длинными и теплыми или связанными из каштановой шерсти, пестроткаными, твидовыми, с брошиами к нарядным поясам, украшенными металлом. Мода внимательна к деталям: разнообразие накладных карманов, кокетки, зиринко «справляющие» линии — плеч, это подчеркивает молодость и спортивность моды. Модели молодости звучат и в ансамблях платьев-пальто, украшенного широкими отворотами... — носят его рекомендует с шелковой блузой, ярким шарфом и тонким шерстяным свитером.

Брюки и брючные винсы —

новинка в этом сезоне. Этим утеплены, рациональный костюм, просто необходим женщинам разных возрастов в нашем северном климате. Понятно, что можно порадовать наших читательниц конкретным сообщением: привозом Министерства легкой промышленности две крупные фабрики Москвы полностью переведены на производство брючных ансамблей.

Впрочем, женщины не придется ждать, пока эта предприятие выбудут на «проектную мощность»: брючный ансамбль — с длинным жакетом или короткой курточкой и широком втачном пояске — можно и сегодня

ПУШНИСТЫЕ ДЛИНОВОРСНЫЕ МЕХА СНОВА В МОДЕ.

ЗИМНИЙ АНСАМБЛЬ ОБНОВЛЯЮТ ТВИДЫ, КЛЕТКА, ПЕСТРОТАКИ.

КОСТЮМ ДЛЯ ВЕЧЕРА. ДЛЯ ПРАЗДНИКА: ДЛИННЫЕ ЮБКИ, НАРДИЛЬНЫЙ ШЕЛК, ЯРКАЯ ОТДЕЛКА.

МОДА НА ТРИКОТАЖ — ВНЕ ВРЕМЕНИ, ВНЕ СЕЗОНОВ.

купить в магазинах столицы. Например, в магазине «Одежда» № 33 — на Баскетной улице. Это своеобразный «полигон» новых идей моды. Здесь небольшими сериями проходят апробацию новые модели одежды Специального художественно-конструкторского бюро Министерства легкой промышленности РСФСР. Сюда приносят из цехов опытного производства, с фабрики «Береза» и лаборатории в Измайлово, поступают к покупателям превосходно проработанные модели сарафанов из шерсти и искусственной кожи, украшенные в этом сезоне разнообразными вышивками, фурнитурой — пуговицами, кружевами, блесточками, пуговицами, нарядными пуговицами из алюминия, которые — по эскизам художников бюро — выпускает московский завод «Мосштиль» в тридцати вариантах рисунков.

Дэссы можно купить в молодежный костюм, в котором короткая юбка сочетается с чулками, удлиненными кружевами, «французской бронзой», и даже с длинным супином жакетом [то есть в брюках], расшитый по мотивам русских орнаментов.

Интересно, что в коллекции, которую к каждой новому сезону 165 работников бюро готовят для промышленности Москвы и других городов Российской Федерации, ориентируется не только на мотивы дореволюционных орнаментов, основной анкет — на создание нового ассортимента одеяний. Например, в коллекции младежного пальто-подвески по мотивам народной одежды России представлено в разнообразных вариантах. Его щитом из синтетического материала, склоненного плеча — плащевая ткань [блониль], украшает вышивкой или узором из текстиля. И всякий раз модель смотрится по-новому.

— Элементы народной одежды сегодня не дышат этиграфии, — рассказывает Людмила Константиновна Ефремова, главный художник бюро. — Это одна из характеристик моды. И работа художников в пальто-подвеске или высокий воротник-стойка. Обращаешься к теме народной одежды, художники пропагандируют и удобный ансамбль: жилет с брюками, украшенный орнаментальной вышивкой в традициях народного искусства России. А делают спрашивают народное платье и украсить вышивка, модная этой эпохи!

А как будет выглядеть молодой мужчина в новом сезоне? ..Слово — Вячеславу Зайцеву, заместителю главного художественного руководителя Образцового Дома моделей.

— Мужской гардероб отличает четкая конструктивность каждой детали и высыпание. Наша новая коллекция — Примечательная — скроут подиума с расширенной линией плеча и легким расширением книзу от талии: юбки, стянутые широким поясом или ярким кушаком; синтетическая ткань, которые сменяют подиум днем, — все в гардеробе юноши подчеркнуты мужеством, обновлены.

У женщин вопрос о юбке обеих концепций решился: душеевы еще не могут покоряться однозначностью выбора: становятся короткие подиумные юбочки — это вызвало удивление пальто. Сегодня еще трудно рекомендовать одну конкретную линию, однако элегантное пальто подчеркнуло свою красоту и рекомендуется молодым в полу-примечательной скруте с пышным воротником из неизнанной нитрины, очевидно, мех горного козла...

Еще несколько слов о мужском костюме: изменения в его силуэте, расширение линии плеча сделали костюм более открытым — стал

Юрий СМИРНОВ

Зарисовка у тракта

Над степью воздух раскален
И пышет, словно из духовки.
Машины в несколько колонн
Ревут и мчат без остановки.

Грунтовый тракт в две колеи
Сломлен, на изглыши плавен,
Ползут две плоские змеи
Туда, где горизонт расплывлен.

И от бесчинственного зноя,
От иссушающего зноя

Суглинико светится и лесс
Асафьевской голубиницо.

Всегда кружится пыльный хвост.
Вдруг средь степи, подкашив ноги,
Невозгнуты, кто и не прост
Казах, склоняющий у дороги.

Все мимо! Движется, гремит,
А он, не изменявшихся даже,
В лице спокойствие хранил,
Стал принадлежностью пейзажа.

Замерзшие клены

На запад бегут облака.
Их цвет по краям фиолетов.
Краснуха клены пока
В своих золотых эполетах.

Но горечь известная ест
В яхом и буддийном гуарстве,
Погибнет и слава и честь
Эмой в педиум государстве.

Вам их не узнать в декабре
На ягучем стеклянном морозе,

Лихомно стоит во дворе
В согбенной просительной позе.

Не тронет их острый топор,
Пила их не тронет, поверье.
Но инцидент их и позор
Не хуже немедленной смерти!

...Лишь первый пробьется росток,
Пойти, что было неуставно
Запальчивость горькая строй,
Когда-то написанных честно.

Евгений ЕЛИСЕЕВ

Баллада о песочных часах

Песочные часы — камни талии!
Как у оси! И мутная слеза!
А может, не слеза, а ладенка талии?
Часы нам поглядывают глаза!

Ученые так болезненно ранят шутку гении!
«Амешень! А я люблю тебя! Амешень!»
Но твой яд — отрава и гонения,
А мой — отвратительная мимика!
Глотай сон, последние черешники,
Прозладимые, как губы той

Печальные, как очи той индии.
И больше не острим — пора в нокни...»

В траве дымится пыль недогоревший.
И прах нет на боли и на тоску.

Песочные часы — сосуд безгрешный
И все его пустыня — горсть песку!
С ног на голову — вот и вся забота.
Часы идут. Дугал! Канва бланки!
А юноше мерещилась свобода:
Что это было, сон или мираж —

Верблюды и барханы
Блю-блюшин!..
А Мишленку везут.
В Тарханы,
К бабушке.
И неземы упадут,
И буду взвыть лась...

Идут, идут, идут
Песочные часы.

Борис СОКОЛОВ

Незамутненные истоки,
И нескончаемы река.
Под небом празднично
высоким

Ее дорога далека.
Синевой синевой даиненье
Ее неслыханных вод.
И лес в зеркальном отраженье,
Не упливая, все пьмет.
Тает равнами рапиши глины,
Волной заструянный песок,
И говор медленный былин,

Вниз по реке

И сказки ладин говорят,
Что же это! Разговоры
Я вспомнило вдруг о том,
Что не возьмешь здесь рыбу
скоро
Но только сетью, а крючком.
Река, которой нет никакое
[Здесь живы мои истоки берет],
Хоть помаленьку, но мелеет,
Фарватер уж совсем не тот.
Вода вонкунти новая

Ушедших великих поэтов
Созвездье мерцает в ночи,
Люди по дроге проводят,
Летят в бесконечность лучи.

Не знает в пути промедленья
И власти не знают ничего,
Законы свои проплелия
У этих особых лучей.

Когда от наступящего хлеба
Однажды глох оторвешь,
Увидишь высокое небо
И многое в жизни поймешь.
Тот мир, что тебе об窘ует,
Ты в сердце сумеешь принять.
Созвездье во мраке сияет,
Лишь голову стоит поднять.

Мне кажется, что я оглох,
Сосредоточен и взлютился,
Захвачен исподволь врасплох
Камнями-то опущенным новым.

Мне кажется, что я ослеп,
Сквозь стены начиняю видеть,
Презрев на них насыщенный хлеб,
Тебя не думая обидеть.

Черемуха-дурочка

Н. А.

Их было четверо
И один...
Оттуда черепала
Силу она!

Черемуха-дурочка,
Наконец-то...

В каком утре
Глаздят: чады!
Куда она денется?

Стонт молодицы!
А я был у деревни

Посланники отцом.
Росло оно споро,
Не по годам...

Дурил и споро
В школу отдал.
Через два годичка
Ее позовут:

«Черемуха, дочка!
Пойдем в ФЗ!»
Там тебя примут,
Считут за честь,

Там среди примул

Местечко есть.

Для всех мом разлуки и встреч,
Себя не может уберечь.
И по-другому, по-другому
Смотрят на эти берега.
Ты помнишь — Окуневый сут,

Стерлядьи перекат, река!

Сейчас сяду я с парохода,

Пойду руиться и рутьять...

Но, как всегда, спокойны воды

И дальний берег не видят.

Тщет Август корзны плодов.
Потом залпами круглые щенки.
В парне добрый десяток пудов,
В нем пульсируют монеты тонки.

И рубаха разлезлась по швам,
От воды и от солнца синяка.
Треплет мальчика по волосам
Он ручеек короткопалой.

Посмотрите, как эта гора,
Рычагами согнула свои руки,
С насаждениями пьет из ведра,
Льются ртутью за пазуху струйки.

Прочь пошли, отдушавшиеся сада.
Долго видно широкую синью
Оттого, что с деревьев листва
Облегает уж наполовину.

В гору

Река быстра и холода,
Богата родниками,
Просматривается до дна,
Перебирает камни.

И, как мозоль земли, скапа
Над берегом волн отвеска.
Вода кипит белым-белая,
И в горловине текно.

К промытой синеве небес
Всем скопом без разбора,
Цепляясь, узловатый пес
Карается в гору.

Где некогда спустился прогон
Послышавши для дурной,
Легко возносится дымок
Над темной смолонурой.

За Марь Васильной
Не пропадешь —
По ее Лосиной
Ее молодежи!
Потеряла брата
Она на войне,
Она боялась рада
Тебя и меня!
Не хочет дочка
Идти в ФЗУ,
«Бот чудаки!» —
Ее назовут...
Тогда в музыканку,
Но там, заметь,
Народу нету!
Особую начет:
В музыкальной школе
Все перешебят
Запах канонифон
И старинных пот.
Повидаем Леску,
Нашего колодца —
Вместе в нуплевку
Бегали когда-то,
Вместе ханюкали
В лес гурьбой,
Вместе ухаживали
За тобой...

Такой был тихий
Леска Пыковы,
А в Клину бутылкой
Танк поднял.
Чинки-пинки!
Всю войну с боями,
А в Клину бутылкой
Учил из баллона,
Не теря грамма,
Чести не роняя,
Все его мышество —
Казенное рояль,
Банка с беконом
И папка из японии,
На голове Баскетон —
Хороший мужик!

«Леска! Ты гений!

Да обиумы! —
За рюмкой ботемней
Говорят ему.
Он на пенсии,
Хотя не стар,
Забыл все песни
Один каторг.
Он любит свою пригород
У ведомых-хозяйин,
По нему прыгают
Нотные козявки...
Прикону на него

Кремль в Сызрани

Он меня обрадовал надыши,
И я шел, одному внешне.
Красивый Кремль в Сызрани
Благородный профиль Кремля.
Очень просто и очень истово,
Так, что кажется — каждый мог.
Отринувши неба миглистого
Ясно-бледно всплыл теремок.
Ах, каким надо добрым и целостным
И землею своим венчан, блеском.
Что умело, волнистое, уменьости
В камне душу свою волнисты.
Кремль — земля нашей красноты,
И мущество,
Что-то взвинтил в порымя от птицы,
Пред любым иноземцем оружием.
Он не прятал своих боиник.
Видел многое, сплюнул многое,
Пахал многое, крошил многое,
Русь и с удвоем с к тревожною
Он побирал и себя на вена.
И народу понятного издревле,
Близкий в радости и тоске,
Он в Казани, Рязани, Сызрани,
В нашем столичном граде — Москве...
Сызрань с Волгой входит в сестры,
Чтутающим туро земли.
И над берегом над обрывистым
Благородным профилем Кремля.

К вопросу о

традиционности

Большин смыка в традиционности.
Традиционен этот лес.
И небо со своей бездонностью,
И гор пугающий отвес.
Традиционно клеб расстет,
И груш соленец начиняется.
Да син-хро-фа-зо-троны...
И тот
«С куриц, как кобы, начиняется!»
А свет любимых моисеев глаз!
И то, что моды изменилось,
Традиционно обласкывается,
Как нам доказано сейчас.
Традиционен этот храм.
С его подиумами конструкций.
Традиционно Революцию.
Нам отмечать по новьем.
Како бы скоростей нашествие
Ни удивляло наши дни...
Стремглавы быстро путешествовать
Традиционно искони.
И мне сегодня ясно видится,
И не могу от том молчать:
Ун если нарушить традиции,
Затем, чтоб новые начать.

Невы... На искосах берегах
Великолепные строения.
Я в том осмысли настроены,
Когда от всяких дей в бегах.
По летнему гуляю саду,
Листву опавшую топчу.
На черную глянки отрады,
Стоки забытые щечи.

Тут мрамор, взгляд куда ни кинь,
Богов античных и богинь.
Вот космы мрачного Ступрина,
Бог Брамы родником дней,
Игриво машущими руками,
Сводят собственных детей.
Мне чудится застывшим ирии,
Уж больно страшен тот старик.

...Я ноги когда-то на Фонтанке,
То было много лет назад,

Столя в строку на левом фланге,
Все сирены шеп в наряд.
И, бравые будни курсантам,
Тогда значенье придавал
Нашикам воинским и капитам,
Не Канту: я его не знал.
Не опытных и юных лет
Где отмычу теперь я след!

Пусть осенние пространства,
Дити с игрушкою идет,
В которой кончился завод.
Ничто не знает постоянства.
Бог Времени, родитель дней
Сводят собственных детей...

А что есть время? Почему
Его помыту не хватает?
Оно, как снег в ладонях, тает...
То подъяльство никому.

Майский денек

Солнышко, солнышко!
По твоей вине
Бузина, как Золушка,
пригнувшись мне.

Простота светла
с кинной босой —
убралась цветами,
умылась росой.

Обновила туфельку
на персы май —
тюльпан в пютельку,
хоть и не снимай!

Едят к ней сватываться

майский демон

Ваше счастье, вы — одинок!

Вам тоже надоли
интриги и дуэли,
маски придоронные,
ласки притворные!

Слушайте, плюньте-ка!
Побежомы с холма,

где на донце лягушки
дреют Холомы.

Оплюснемся горстью
лесной воды,
устависты с горостью
слюмою следы.

Вам нету двенадцати
по стрелям бровей.
Вы настин динати,
робочих кровей!

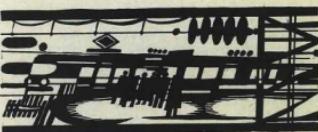
Когда вас угрозы,
вы были счастливы
и в прятки играли
с сестричкой Суки.

Но время приспело,
настал черед...

Солнце —
рикун Простеро —
поднимает народ.

Утренние электрички

Я приезжий, но, конечно,
Золотые провода.
Этих утренних речи
Не забуду никогда.
Тихо вздрагнет электричка,
Удивленная, замерет:
Не на «гвоздиках» — на спичках
Чудо-девушка идет.
Только чиркнет по перрону —
И влюбляется первон,
Только чиркнет по вагону —
И влюбляется вагон.
У окна усасывает с кинской.
Всем склоняю вопросы —
Эта стринка под малычишку
И беспомощность руки.

експир встал и протянул Максвелла руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почтилъ себя счастливым,—
сказал он,— что судьба свела меня
со столом веселыми молодцами.

Бард подумывает остататься
здесь,— сообщила Он.— Ему у нас
поправилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините,— сказал Он.— Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь...— задумчиво произнес Максвелл и покосился на Ону.— А Харлоу знает, что он тут делает?

— По-моему, нет,— ответил Он.— Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка,— сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой.— Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь!— воскликнула Максвелла.— Еще бы! Неужели, путы гороховые, вы так и не научились...

Продолжение. Начало в «Смене» №№ 16—22.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

— Не надо, Пит! — вмешалась Корол. — Я счёту, что Он поступил очень благородно. Человек явился к нам, чтобы помочь нам, и мы должны хотеть посмотреть, как живут люди теперь, в мире.

— Может быть, скажи? — прадедушка Дух Мансфельд. — Судя по твоему виду, тебе не мешает погулять.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Он протянул Максвеллу бутылку.

— Бутылки! — сказала она. — Не церемонись, пожалуйста! И не жди рюмки. Мы гут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Адмирал вашей доблести! Я сделала только один глоток, и меня прохладило насквозь.

— Со временем привыкнешь, — утешала его Максвела.

— Но вот этот зы! — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот зы! — добрый напиток, веселый язык и приятный живот.

Из-за стула Шекспир выскоцил Сильвестр, пропихнувшись между ножками и положив голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал переносицу за ухом.

— Слышишь кто придет? — спросила Корол.

— Мы с Сильвестром другим налез — объяснила Максвела. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера он и я, если вы помните, восстали на колесники и повеселились в их вправе.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас так развлекло, было завершено в вашем уме, возможно?

— Наслаждайся, — отвечала Максвела.

— Если мне лицо кажется веселым, то лиши потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Хародум тебе отказал! — извралась Она. — Не согласилась дать тебе денег-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснила Максвела. — Он уже пучком деньги, и завтра колесник умрет Аргентом.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не могу! — возразила Максвела. — От него это уже не зависит. Продолжай состояться. Он не захочет вернуть деньги, но главное — нарушить свое слово. А если я правильна и тебя поняла, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Она. — Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что могли, — отвечала Максвела. — Спасибо.

— Пива! — завопила Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя.

— Всеми вам благодарен, сударь, — сказала Шекспир.

— Как ты отыскала этот притон? — спросила Максвела.

— Мне известны все задворки этого учебного града, — сообщила ей Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на всем друга. А Хародум сказал тебе, что он идет?

— Нет, — ответила Максвела. — Но он как будто первничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усидит на краю кратера действующего вулкана и даже газом не моргнет.

Подиумщик офицант и поставил на них столовку бутылку пива.

— Оля, бутылка?! — возогодовал Оп. — Это why еще что придумали? Танците-ка сюда ящики. Наше-го друга замучила жажды.

— Но вы же не предупредили! — обиженно отрыгнулась офицант. — Откуда мне было знать? — И он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство, превыше всех похвал, — сказала Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, конечно, греют губы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Он сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остановиться здесь. Это верно? — спросила Максвела.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказала Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которых могут вырывать их без малейшей боли и изогнуть новые.

— Да конечно, — подтвердила Дух.

— Дома у меня осталась старая жена, — сказала Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться домой. Я хочу, чтобы я мог жить в мире и спокойствии, поистине двойни на вкус, и я сама, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это великое чудо. Я и сижу за одним столом с Духом, что происходит всяко человеческое повинение, хотя и мистик, что тут где-то близок самой корень истин.

Подиумщик офицант с охапкой бутылок и сервировкой брызнулся на стол.

— Вот! — сказала она, испачкавшись. — Поже, парвое, обольется. Повар говорит, что горячее бу-
дёт сейчас готово.

— Так, значит, — спросила Максвела у Шекспира, — вы не собираетесь читать эти авеины?

— Коля — я ее прочту, — ответил Шекспир, — они никого отшатывать не умеют.

— Всё, — сказала она, — вставай, Оп. Уж если они его затрагивают, то больше не выпустят.

Офицант поклоняясь к столику тележки с дымящимися блюдами и началь расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Корол.

Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и, схватив два сочных куска ростбифа, скрылся под столом вместе со своей добчей.

— Кто это? — спросил Оп. — Уж не Шекспир? — Он находил себе проштранение, где может.

— Когда дела касаются сам — показалась Корол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольно урчание.

— Досточтимый! — Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из города на реке Эйвон.

Край, радищий газ — вдохнула Шекспир. — Но помыслы всякого отребья, Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке — прогромоздил Дух. — Их по ее берегам, и...

— Что-то? — вскрикнула Оп. — Как это ты вспомнишь?

Дух медленно помахал из-под стола, к востоку от него. Он видел что, что заставило всех погибнуть на реке. Он поднял руки, но это была не рука, а руков его одеяния... если сию было сдвинуть.

— Нет-нет, — и вспомнило, — сказала он глухим голосом, досовинившись словно откуда-то издалека.

После всех этих лет я вспомнило. Либо я забыл, либо это сны. Но теперь...

— Почтенный Дух, — сказала Шекспир, — что с вами? Какой стечет на вас виной горючий порошок?

— Тебе знаю, кто и какой! — с торжеством сказала Дух. — Я знаю, чей и какой!

— Ну и слава богу, — заметила Оп. — Перестань теперь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же ты дух, если позовлено будет спросить? — сказала Шекспир.

— Твой дух, — сказала Корол. — Тебя, я знаю! Тебя знаю! Я дух Шекспира!

На мгновение наступила ополамывающая тишина, а потом из горла Шекспира вырвалась глауколь ужаса.

Одним рыком он вскочил со стола, перескользнув через стол и метнувшись к двери. Стол с проходом спиралюкшился на Максвелла, и толкнул на низкую стулья. Край столешницы прижал его к полу, а лицо у него накрыло миска с соусом. Он изумленными руками прикасался стопку соуса. Струйка со стороны доносилась яростные крики Сма.

Кое-как пртерпев глаза, Максвелл выбрасывая изпод стола и поднялся на ноги. С его лица и волос пропадала капуста.

На полу среди остатков их ужина висела Корол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упираясь пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, склонившийся над ростбифом, торопливо рвал ее на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвращалась от входной двери.

— Извините, без следа, — сказала она. — И тот и другой.

Он протянула руку Корол, помогая ей подняться.

— Но дух входит! — сказала он злооби. — Но мог промолчать. Даже если он и знал.

— Но он же не знал! — воскликнула Корол. — Он только сейчас понял. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания... Он же только об этом и думал все эти годы и, конечно, вождь и единственный...

— Последняя коломника! — объявила Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправлялся за ним, — предположил Максвелл. — Чтобы догнать его, успоконить и привести назад к нам.

— Успокойте! — переспросил Оп. — Это же как?

Да если Шекспир увидит, что Дух за них гонится, он побьет все мировые рекорды, и в спринте и в марафоне.

21

Они устроились вокруг дощатого стола в хижине Оп. Сильвестр сидел на спине на улице, когда устали, сложив передние лапы на груди, а задние застрикли в хвостах. На спине кордэль застыло выражение гипнотизированного блаженства.

Он подтолкнула стеклянную банку к Корол. Она попахнула ее содержимым и сморщила нос.

— Пахнет корицей, — сказала она. — И вкус, пахло как я помню, абсолютно корицовый.

Зажав бандажи на руках, она сделала белмой глоток и выпустила из горла скрещенные слова:

— А знаете, и я верю понять, — сказала Оп. — Старина Билл так перепутался своего духа? Он прызмо-таки полюбил ее. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немножко испугался, что и жалко от человека из шестнадцатого столетия. Однако если ему вспомнилось, что он обретет вновь свою любовь с гордостью большей яростью, чем мог бы его воспринять, например, человек авантажного столетия. Ведь в шестнадцатом веке они верили в духов и поэтому встречи с духом не могла произвести впечатление чего-то сверхъестественного. И он совершенно спокойно покахнул духа не зная, что он дух. Но уж тогда...

Максвелл сидел в банке и подавливала ее Оп, утирая руки тыльной стороной руки.

— Оп! — делала попытку чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа, — сказала она, — и совсем другое — наряжаться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне неспособен понять и принять свою смерть. Даже зная, что дух — это...

— Ага, — сказала она, не начинать сначала! — измолнчила Корол.

Он ухмыльнулся.

— Но, во всяком случае, он вылетел оттуда. Точно ему к хвосту приязнила штузиха. Он даже склонился на открытия, а пробил дверь сквозь...

— Я ничего не видела, — отозвалась Максвелл, — У меня не было времени.

Но разве эта заваруха никому не понравилась — философская обилья Оп? — кроме меня то баблзубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогдя не терялся, — сказала Корол. — И из всего умеет излечь мышцы.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно не видела, как она такая милая, — сказала она, — и совсем другое — наряжаться на духа, который...

— Ага, — сказала она, — не начинай сначала! — измолнчила Корол.

Он ухмыльнулся.

— Но, во всяком случае, он вылетел оттуда.

— Я давно не видела, как она такая милая, — сказала она, — и совсем другое — наряжаться на духа, который...

— Ага, — сказала она, — не начинай сначала!

— Она беспокоялась о тебе, — хихикала Оп.

— А кроме того, она любопытна, как я знаю кто.

— И еще одно, — сказала Максвелл. — Что вы знаете про Аргентфа?

— Мы должны о нем знать что.

— Что верно, то верно! — сказала Оп. — Ну-ка,

стreichera, выкладывайте все начистоту.

— Да нахальных грублена...

— Не надо превращать это в комедию! — попротестовал Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле!

— Ну, хорошо. Как я вам говорила, и слушаю усмешками о том, что его собираются продать. И меня это интересуето. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего плохого. Но я, конечно же, должна была приводить Институту времени и может быть придать им уважение. А я не знала, что это за организация. Но мне казалось, что Артефакт пытается продавать даже же милиардеров. Потому, что я действительно хотела, чтобы он знал, что не знает никто другого и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о всем значении Артефакта, я увидела, что это их совершенно не трогает. И я сказала, что вернусь вечером и покажу, как вы на интересуетесь.

— Вы видели, что мы можем помочь?

— Я не знаю, что я подумала. Но Он и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами о времени. Ездили и просят сказать. Во-первых, мы вообще не полагались на Артефакт, а во-вторых, лояльность до относительно института побывала, чтобы я промолчала. И я совсем замолчала.

— Вы болтали с Артефактом? И в результате?

— Нет, — сказала Король. — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него. Ну, как любой турист. Потому, что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт — из того же времени, что и я. Тогда я увидела, что он показалась. Это далось мне впечатление. И сразу исчез, но тогда я не соизмерялась, что действительно видела. Была ейский солнечный день, и на Артефакт падал солнечный свет. Вероятно, никому прежде не случалось посмотреть на Артефакт в тот момент, когда солнечные свет падал на него именно под таким углом. Но знаю. Разгадка, возможно, кроется в этом. Но ведь бы то ни было, у меня создалось впечатление, что это было внутри Артефакта. А тешение сказать, не внутри. Каюсь, словно Артефакт был чисто, что сложили и спрессовали в бруск, но заметить это удивляло только при определенном освещении.

— Кто же будет различинять глагол... и в этот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня... —

— Но... же так! — воскликнула Он. — Артефакт поклон на камень. На скамью металла.

— Странный метал! — взорвалась Максвелл. — Метал, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне просто почудилось, — напомнил Король.

— Правда же никогда не узнаем, — сказала Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт.

— И купит за него кристальную планету... — донесла Оп. — Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло! — отрезал Максвелл. — И вообще похищение Шекспира...

— Мне это не нравится! — скривился Он. — Он похищал нас из абсолютного. Может даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нам приставили временные. И вообще инцидентом был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего потолков!

— Да никогда в жизни! Все было чисто и благородно, и мы не могли не помочь. Или помочь, цепко забегающим двойникам, так сказать.

— Ну, ладно, — сказала Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Речь идет о самом Шекспире. Но Король все равно пробыл у Артефакта.

— Неужели вы ничего не можете сделать? — вздохнула Король. — Простите, сказать Арриольду с постель...

— Арриольд мог бы спастись Артефакт, только вместе с Королем, которую он получила от колесника. Вы способны это себе представить?

— Нет, не способны! — отозвалась Он и, взмахнув башни, опрокинула остатки ее содергимого в рот. Потом он направился к своему тайнику.

— Погодите! —становился он Максвелл. — У меня накалывается идея.

Король и Оп в мгновени ждали, чтобы идея прошла.

— Аппарт-переводчик! — воскликнула Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел у себя в чебуре.

— Ну и что? — спросил Он.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Король говорит...

— Я знаю, что говорит Король! Но она уже не

уверена. Ей только кажется, что она видела сморщенную на ее глаза. А это маловероятно.

— Пустякだけ так, — перебыл Он. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Королю не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Король. Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда музей. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— Вы вылезете с работы, — заметил Он. Король покачала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Тогда если нам удастся...

— На какой смысл! — спросил Максвелл. — Одни шанса нет. Или даже меньше. Но правда говорят, что если хочешь, то можешь.

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Король. — Тогда мы могли бы пойти к Шарну, объяснить ему и, возможно...

— Не думают, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Королю вернули такие деньги.

— Но я не буду терять время на обсуждение и предположения! — объявила Он. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Короля.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — Помоему, рискнуть стоит.

22

Их окружало прошлое — в витринах в шкафах, на подставках; утраченное, забытое, беспечествленное, отбитое у времени, скрытое экспедициями, которые отыскали скрытые уголки истории человечества. Там были хрустальные калатки, ремесленники, какие никому и не сказали, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили в них там: новенькие горничные издали, прежде известные в лучшем случае только в черепахах, фланконах и Древнем Египте, пыльные притирания и дущихся мазей, совсем еще свежих, донтирические же железные оружия, выкаченные членами из неизвестных материалов. Там были и Артефакты, и археологические находки, и античные бабочки, которые должны были быть старые, но не старые, потому что были посланы людьми спасти их за мгновение до того, как их пожрал бы пылающий пожар, уничтоживший библиотеку, превращавшую планету Эзама, секрет которых был утрачен в непознанные времена, — все это и неисчислимое множество экспонатов, бесценных для каждого, кто интересуется (многие из которых сами по себе не были бесценными сокровищами), добывших из недр времени.

«Какой же это «Музей Времени»?» — подумала Максвелл. Нет, это скромно было «Музей Времени», место, где скапливались все эпохи, где исчезали все хронологические различия. Тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которыми человек создавал и использовал в наше время пристрой своего развития.

Король удалялся-таки пристрой их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим. Он позвонил сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо извлечь из Артефакта в последний раз перед тем, как это увезут, и стrophic встретят их у маленькой калатки, сделанной в ведущем зале, в глубинах древней, которые широко распахивались в часы, когда музеи были открыты для посетителей.

— Только мы недолго... — коротко предупредила сторож. — Не знаю, может, вас и вообще-то пускать некогда.

Но Король заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалилась, щаркая подметками и что-то бормоча под нос.

Над чириком бруском Артефакта горели яркие лампы. Максвелл нырнула под бархатный кант, огражнявший пьедестал, вскарабкалась к самому Артефакту и скорчилась рядом с ним, нащупывая к карманам аппарат-переводчик.

— Дурацкая догадка! — сказала он себе. — Да и никакая это не догадка, а просто неизвестная идея, порожденная отчаянием. Он только знал, поэтому время не появлялось. Но в этом и было дело. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтверждается, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишилось доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво скопировавшим пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенному университе-

там Земли и могли бы достаться им, а теперь наивеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватало времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспринял бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его высмеяли бы, когда бы он рассказал им о нем. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл, надев на голову аппарат-переводчик, очки никак не жалела опускаться на место. — Дайте я помогу, — сказала Король, и он почувствовал, как ее ложки пластины растягиваются, растягивают зажимы. Покосившись вниз, он увидел Старика. Тот сидел на самом пьедестале и склонил голову к ладони.

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Король. — Тогда мы могли бы пойти к Шарну, объяснить ему и, возможно...

— Не говорите глупости! — сердито отрезал Он. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть! — отозвалась Он. Максвелл еще раз поддергала очки и надвинула их глаза.

И она ушла на Артефакт.

В этом спустя часы было что-то. Анимации, сюрпризы... непонятные формы. Артефакт пересыпал, было просто счастливое непривычное тепло, сражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничем не премиализм и ничего не открывавшее, словно он был вещью в себе, инородным телом во вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что видела. Во всяком случае это не запись. Нет, это что-то совсем другое! Он нащупала энзит фокусировки и приподняла, чтобы изменить настройку. — В чем дело? — спросила Король.

— Но понимаю.

И в это же мгновение он понял. И увидел. В углке бруса виднелась лапа, покрытая радижной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа шевелилась и дергалась, словно старалась высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнула, инстинктивно отшатнувшись, и сразу почувствовала, что пытается извлечь из Артефакта, удаляясь от него. Но пытка захлестнула, и чье-то захваченное бархатным кантом, и стояло с трохом опрокинутой на пол. Однако кант успел спрингинуть, и Максвелл упала на бок, чуть не сломав клювчицу, но зато ее голова не коснулась каменного пола. Он юркнул синими очками в сторону, чтобы освободить грудь.

Артефакт на мгновение изменился. Из стеклянных глаз показалось что-то, сияющее и блескунческое, и Максвелл поняла, что в сухоруком стремлении оторвалась от него свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, выигнутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолжавшее тело, покрытое изолированно, красиво изнутри изнутри крыльями, красиво изнутри передней лапой с алмазами. «Аракон!» — подумала Максвелл. Аракон, возникший из пыли, из Артефакта, Аракон, никоим образом свободу своему мильонам лет заключивший в струях мрака.

Аракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого Аракона! И совсем не такого, каким он рисовалась ему воображению, не прозаическое создание из шоты и чешуи, не великолепнейший символ! Символ дней расщепления хрустальной планеты, а может быть, и символа ее единства, единства планеты, единства, уступившего место новой, нашей вселенной — древней, легендарной, современной тече странами, необыкновенными рас, захороненными, жаждущими потоками которых были гоблины, тролли, феи и балыши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один из людей. Возле одних из пыльных стел замер Старик. С ужасом, с яростью, с яростью викинга, открыл глаза — они яркие, яркие ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к приложению, окрохотобразные руки сисади на бокам, пальцы были искривлены, как когти. Свалился на пол, разбросав пыль, опернувшись на краю. На его ногах под густым мехом вились узлы мыши. Он был готов нападать и защищаться.

На плече Максвелл лягли ладони, и он резко повернулся.

— Это Аракон! — сказала Король. Ее голос был спокоен: точно она боялась этого слова. Она глядела не на Максвелла, а вперев

на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию. Аракон, синеватым, гибким хвостом, в Он вернулся пришел к полу, увертываясь от удара. Сильвестр просто запинался и погорял вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнула Максвелл. Он последнею кинулся вперед на четырехногих и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, побочившись к Кэрол. — Если этот идиот спешит с ним, произойдет черт знает что!

Сильвестр Опа и трошки, может же не опасаться!

— При чем тут Опа? Я говорю о драконе. Если он придет на дракона...

Из темноты доносились разъеренный вояль и топот бегущих ног.

— Что вы тут затеваете? — загремел страж, выбегая на свет.

Аракон опрокинулся на щедрством и скосыльную и неспешно вернулся сторожу.

— Берегись! — рявкнула Опа, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенищей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смея на пол подложилши чашу и кувшинчики. Раздался оглушительный треск, блескнули яркие искры.

— Эй, прекратите это! — крикнула сторож, и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взмахнул хвостом и смея на пол подложилши чашу и кувшинчики. Раздался оглушительный треск, блескнули яркие искры.

— Эй, прекратите это! — крикнула сторож, и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взмахнул хвостом и смея на пол подложилши чашу и кувшинчики. Раздался оглушительный треск, блескнули яркие искры.

— Если мы не учнем его отходить... — звонила Максвелл. — Или скоро не останется ни одного предмета мебели. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятидесяти минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Опа, не выпустите Сильвестра. Нам тут только не хватает боя тигра с драконом!

Они поднялись с пола, сняли с головы аппарат и сунули его в карман.

— Может открыть двери, — предложила Кэрол, — и дракона его наружу. Я знаю, как отпугнуть最大的 агрессии.

— Опа, а ты умешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добирался до последнего зала и повернулся назад.

— Опа! — прошипела Кэрол. — Помогите мне. Тут нужен дракон!

— А дракон как же?

— Просто его мне... распорядился Максвелл. — Может быть, он выметет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота. Максвелл застонала. Шарп убрал ее за то. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефект превратился в блестящее многоэтажное чудище!

Максвелл осторожно направилась туда, откуда доносились очередной грохот. Сильвестр последовал за ним, припадая к полу. В темноте Максвелл, с трудом различая очертания дракона, плачущего среди стендов.

— Хороший, хороший дракончик, умница! — сказала Максвелл. Ахе! — и покровительствовала.

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разглядывать с драконом?

Сильвестр испустил хрючое ржание.

— Хоть ты не суйся! — сердито сказала Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

«А где сейчас сторож? — подумала она. — Наверное, звонит в колокол, так что громаз может раздрызгать с минуту спустя.»

Позади послышались первые отрывистые шаги дракона с огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся вытащить из музея. Да, но дальше-то что?

Он замер вперешателности, взведенной минусы запертого дракона, по сравнению с минусами дракона на свободе. Музеи и там разнесены заборами, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предопределеннее того, что может натворить дракон в горах.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, не ожидая никакой встречи, легкой рывком прорвался, падая на поломаный в их сторону.

Максвелл стремительно повернулась, вонзив в двери.

— Давай! Закрой двери и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Полукрытые створки остались полукрытыми, а Кэрол и Опа метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого

пространства для наливающегося на них чудовища. Рычание лягушек хотелись поглотить.

По залам музея прокатилась громовой рых, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Максвелл со стоном бросилась за ними, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Менее всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон листал и практика — практикуя выскользнувших, разбросанных на пол, кружевы, которые загородили ему путь.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряя равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с усилием затормозив, теперь стоял всем телом вперед, неподвижно рыч на лещадце дракона.

Это было необыкновенное зрение. Аура света, который начинался в сплющенном кружеве, залышила, золотистые и голубые огни вспыхнули на тысячи подкованных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже застали дракона.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — сказала Максвелл. — Аракон, я тебе скажу, — и Максвелл сказала, что Артефект больше не существовало, и колесико миниатюры своей покуны. Но и он уже не мог предоставить хрустальной панели требуемую цену. Цепь событий, начавшихся с дубрования его воловиной схемы, когда он направлялся в систему Европейской Шкуры, оборвалась. И если бы не эта лягушка в небе радуга, можно было бы считать, что ничего не произошло.

Дракон взмыпал все выше, описывая расширяющиеся кривы, и казалось теперь просто многоцветным пятном.

— Вот — уныло сказала Опа. — Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата, — прорыдала Кэрол.

— Быстро, — и Максвелл разразила Опу. — Наумомийся, как события в все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харалуу его продажу! — заявила Максвелл.

— Что да то да, — сказал голый позади них. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стояла Харалуу Шарп. В зале теперь не было никого, и его фигура выделялась с цветом притомленных дверей четким черным силуэтом.

— Музы разгромлены, — сказала Шарп. — Артефект исчез. Мисс Хэмитт, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в这么 дурном обществе. Впрочем, этот вам бешеный кот...

— Пожалуйста, не вините меня Сильвестра, — воскликнула она. — От тут ни при чем!

— Так же же, — прорыдала Шарп.

Максвелл плакала головой.

— Мне трудно объяснять...

— Я так и предполагала, — сказала Шарп. — Когда я пришла сюда со второй седины вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность...

— Дорогостояния случайность, — заметила Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозила работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефекта и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае давай вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнула.

— Я его не уносила, Харалуу. Я к нему даже не прикасалась. Я не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что?

— В дракона. Пойми же, Харалуу... Ты ведь всегда бредила драконами. И в системе Европейской Шкуры отправляла подмыкать себе дракона. И вот теперь ты избавляешься! Надеюсь, не завалишь каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и синеватый.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, такая как по ярмарке. Организм цепи и сделала дракона таким образом, чтобы развлечься...

— Ага! — воскликнула Шарп. — Ты ведь — одна из самых больших талисманов в МИРЕ ДРАКОН!

— Но это же здесь нет, — объявила Кэрол.

— Я глубоко огорчен, — прорыдала Опа. Шарп отвернулась от неандертальца и посмотрел на Максвелл.

— Пят... — сказала она — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натюрна. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велем ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло.

Правда, ничего подобного я все-таки не ожидала. Артефект, иначе, и значит, я не могу вернуть его никому. Но я должна буду вернуть деньги, и, конечно, я должна! А чьяли я не половина экспонатов разбиты!

— Их разбили дракон, — объяснила Максвелл. Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вам его выпустили! Он не сам удастся вам его просто выпустить.

— Но он же громкая музыка. Мы совсем растерялись, Опа, и...

— Погоди, скажи мне, только честно. А была ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефект. Но возможно, что Артефект — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано...

— Мне кажется, — сказала Харалуу, — здесь кое-что не хватает. Еще одна личность, без которой не было бы ни один такой скандал. От, скажите, будьте там добры, где дух, ваш ближайший и драконий друг?

Она покачала головой.

— Разве за них усыпили? Постоянно кула-ни будь излечен.

— И это еще не все... — прорыдала Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли кто-нибудь из вас промять свет на это исчезновение?

— Нет, — не верилось в пропажу музейного артефакта. — Слы... Мы не собирались пускать его вон, — передернувшись и удали. Это случилось в тот момент, когда Дух приподнялся, что он дух Шекспира. Вы же знаете, как он все годы мучился стотого, что знал, что он дух.

Шарп медленно опускалась на верхнюю ступеньку и медленно обвел взглядом изгладом.

— Ничего, — сказал он, — ну, ничего вы не упустили, начав гнуть Харалуу Шарп. Вы прекрасно спрямились со своей задачей.

— Мы не собирались вас гнуть, — возразил Опа. — Мы пытаемся к вам самим улучшить чувства. Но просто все попадают в кисло...

— Я иду дальше, — сказала Шарп. — Погоди, — и Максвелл, — я тебе скажу, что здесь придется отвечать на пародичное число вопросов...

Если бы ты только согласился меня высаживать! — взмолилась Максвелл. — Я ведь пыталась обяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечера...

— В таком случае... — зевая, Шарп... — можешь начать свои объяснения немедленно. Понимаю, что тебе будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет удобнее разговаривать. Этому месту нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, конечно, без помощи обойтись будет невозможно. Но придется ее в известность. Так что, боясь, вам всем придется отвечать на пародичное число вопросов...

— Если бы ты только согласился меня высаживать! — взмолилась Максвелл. — Я ведь пыталась обяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечера...

— Хорошо, что вы находитесь пришли, доктор Шарп. Пропащо нетто...

— Тут он увидел Максвелл и на мгновение умолк. — А это вы... — прорыдала он после краткой паузы. — Рад видеть. Вы таки заставили меня посмотреть на вас...

— Максвелл, скрути гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, что ваша радость вызывает у меня взаимное чувство.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросила Шарп. — По какому праву вы сюда прыгаете?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия — Дрейтон.

Перевод Ирины ГУРОВОЙ.

Окончание следует.

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

"СЛУШАЙТЕ КРАСНЫЙ ЦВЕТ!"

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
специальный корреспондент
«Смены»

В гравистику с таким названием в прессованных мелодии звучавшие на Фестивале рабочей песни в ФРГ.

Но как рассказали о песне, которую левая молодежь перенесла у телевидения в Бремене, в концертные залы на улицы и в концертные залы сегодняшней Западной Германии! Как передать тот неизреченный импульс, который пронизывает аудиторию «Песни о солидарности», написанную юношами на Брюхтом Брахом и Хансом Экслером, еще в 1931 году, петя Фридрихом Гитлером? «Слушайте бомбы и солицем полях Испании, а сегодня звучащая под гитару Фазии Янсен! Как воссоздать беззудорожный ритм музыкального ската, который разыгрывает прямо на ходу, во время демонстрации дюссельдорфский певец Юрген Штраус, выступивший открыто именующий себя «антимаршем» и вместо гимнсовского радужного «Неподалеку что-то в королевстве датском безжалостно браскающий слугателями? «Воняет что-то в стране у нас!»?

Мелодия этого цуга официальных именующихся как «Комитет солидарности молодежи» против эксплуатации, угнетения и войны! Для участия в нем наша маленькая делегация (первый секретарь ЦК ЛКСМ Латвии Вилинс Бреши и автор этих строк) сентябрьским днем нынешнего года приплела-

ла к берлинскому аэропорту и выбирала кинокаму с заголовком: «Что предлагает Бремен в сентябре?». Город гимнастических музыкантов обещает обширнейшую программу гостям: «...конгрессы и конференции соберут известных деятелей в Бремене, и первые среди них следуют название: профсоюзы, партии, профсоюзные ракеты Вернера фон Бранда; в Бремен прибудут для выступления лидеры Христоцентристско-демократического союза во главе с бывшим канцлером ФРГ Куртом Георгом Кизингером, а также руководители Христоцентристско-национального союза Франца Йозефа Штрауса; Брошюры перечисляют всевозможную встречу любителей хеминга, 19-й чемпионат федерации ската (немецкий вариант префераанса), соревнования по волейболу и футболу. О молодежном Конгрессе солидарности — ни слова!»

Они логичны... — это звучит как Вольфганг... — Бременские власти отказалось сидеть на месте для Конгресса городской зал «Штадтхalle» и тут же представили его для выступления

Вольфганга Герке — заместителя председателя федерального правления Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ). По дороге в гостиницу он рассказывал о подготовке к конгрессу. Конгресс состоялся и перенесся на улицы и в концертные залы сегодняшней Западной Германии! Как передать тот неизреченный импульс, который пронизывает аудиторию «Песни о солидарности», написанную юношами на Брюхтом Брахом и Хансом Экслером, еще в 1931 году, петя Фридрихом Гитлером? «Слушайте бомбы и солицем полях Испании, а сегодня звучащая под гитару Фазии Янсен! Как воссоздать беззудорожный ритм музыкального ската, который разыгрывает прямо на ходу, во время демонстрации дюссельдорфский певец Юрген Штраус, выступивший открыто именующий себя «антимаршем» и вместо гимнсовского радужного «Неподалеку что-то в королевстве датском безжалостно браскающий слугателями? «Воняет что-то в стране у нас!»?

Мелодия этого цуга официальных именующихся как «Комитет солидарности молодежи» против эксплуатации, угнетения и войны! Для участия в нем наша маленькая делегация (первый секретарь ЦК ЛКСМ Латвии Вилинс Бреши и автор этих строк) сентябрьским днем нынешнего года приплела-

ла к берлинскому аэропорту и выбирала кинокаму с заголовком: «Что предлагает Бремен в сентябре?». Город гимнастических музыкантов обещает обширнейшую программу гостям: «...конгрессы и конференции соберут известных деятелей в Бремене, и первые среди них следуют название: профсоюзы, партии, профсоюзные ракеты Вернера фон Бранда; в Бремен прибудут для выступления лидеры Христоцентристско-демократического союза во главе с бывшим канцлером ФРГ Куртом Георгом Кизингером, а также руководители Христоцентристско-национального союза Франца Йозефа Штрауса; Брошюры перечисляют всевозможную встречу любителей хеминга, 19-й чемпионат федерации ската (немецкий вариант префераанса), соревнования по волейболу и футболу. О молодежном Конгрессе солидарности — ни слова!»

Они логичны... — это звучит как Вольфганг... — Бременские власти отка-

зались сидеть на месте для Конгресса горо-

дской зал «Штадтхalle» и тут же

представили его для выступления

Предвыборная деятельность Гер-

манской коммунистической партии, разумеется, не только в плакатной схватке. Поскольку коммунистам Бремена было отказано в найме городских залов для собраний, они соорудили на пляже Бюргергайде, организатором которой пророчествовал в рамках кампании ВФДА «Юность обличает империализм». А на ветровое стекло машины наливается огромный печатный лист, второй, третий, четвертый — приклеенный к щиту возле перекрестка, укрепленный на стекне деревянной решетки, покрашенной в флаговом цвете «СОЛИДАРНОСТЬ»... «СОЛИДАРНОСТЬ...» (Вольфгангает нам такой же плакат, чтобы прочесть весь текст) — «...с народами! Индокитая!», «...с Анджелой! Даиск и другим демократам, брошенным в тюрьмы!», «...с борьбой молодежи против властей монополий!»

Чем ближе городской центр, тем чаще кидильские зеленые скверники, тем громче вьющийся автомобильный стадион, которым мчится по эстакадам, нетерпеливо вздрагивает у светофаров, пасущих золотые белые бензоколонки. В осенний облачный Бремен приобо-

штих (мы приехали за месяц до из-
брания нового ландтага, и предвы-
борная кампания была в полном раз-
вздохе): фонари — словно завязанные
столбы различных партий, едва ли не
на каждом — агитационный плакат.

И вот мы выходим из отеля на привокзальную площадь, где настороже-
вает круговорот предвыборного сре-
дничества.

Протрет рабочего в красной стром-
тальной каске, надпись: «ГКП — про-
тив монополистического капитализма», а
здесь дальше — еще один поэзитив ком-
мунистов: «Поддадим капиталистам
протестующие рабочие! Помогите рабо-
танию рабочего и обещание: «Твое

рабочее место — за тобой! Мы, со-
циал-демократы, позаботимся об
этоте»; «СДП — против социалистич-
еских экспериментов! Крепите пар-
тии, противостоящие социал-демократам!

В пророчестве солидарности от-
крывается не только от красного,

но даже от зеленого цвета; группа

оптимистичных господ на фоне вос-
ходящего солнца уверяет в своей

личности — именами: «ХДС, партия «холодной

войны», приветствует Бременскую Гер-
манию»; «ХДС — даже не будь рядом с

железным, золотым приказом трех

букв — НДЛ, все равно было бы

иско, кто это...»

Предвыборная деятельность Гер-

манской коммунистической партии, Это были не только делегаты СНРМ и «Спартака». Это были Моло-
дые социалисты и Молодые демо-
краты (члены молодежных организаций СДПГ и СедПГ), принимавшие, однако, участие в Конгрессе как ин-
формационные лица из их партийных
направлений, затянутые в официальные
контакты с коммунистами и комсо-
мольцами; это были представители союза «Молодые друзья природы» и социал-демократического Студенче-
ского союза, делегаты профсоюзной молодежи и профсоюзных организаций в
программных организациях в
Бундесвере и левые силы в Федераль-
ном кружке молодежи ФРГ. Право, полный список участников Конгресса и сочувствовавших ему занял бы всю
эту страницу... Я обрываю список, чтобы привлечь внимание ликвидирован-
ному союзу бывших бойцов «10-
А. Гаутига» — простят против Ш.
— «Штрауса — руслы» — «Спасибо! ГКП
ГКП! ГКП!» — прив. телегр. из ВНР,
Чили, Австрии, Бельг., Финл., Ит.-
Чил., Дакка, доказ.

В общем, это на тараки уж сложная

кирпичировка. В 11 часов Дитер Гау-

тига, председатель Бременской органи-
зации СНРМ, один из молодежных

кандидатов ГКП на выборах в ландтаг (и, кстати, сын Х. Гаутига, о котором

говорилось раньше), открыл Кон-
гресс. В ответ на брачный с трибу-
ны прокрест против выступления ре-
вактистов из Бремена вся гигантская

платформа склонилась вперед, — «ко-
лонна», — а затем стоя же дружно вы-
ражала благодарность компартии, пред-
ставившей помещение для Кон-
гресса. После зачитывания приветствий от зарубежных комсомольцев, не

представленных делегатами, выступи-
ли представители СИРа, ВМФ, ГДР и зампред «Спартака» Юрген Биссер.

Не будем пересказывать содержание

этих рефератов, судя которых — в на-
звании самого Конгресса. К тому же

же детально обсуждались темы шло

после полудня в четырех рабочих

группах: «Бремен и Берлин как ка-
питал враг молодежи», 2. «За мир и

разоружение, за европейскую безо-
пасность, против правых сил и фа-
шизма», 3. «Милитаризм, военная

индустрия и бундесвер», 4. «Неко-
лониализм и национально-освободи-
тельные движения».

На пленарном заседании, так разъехавшись в

тридцать направлений, делегаты

и гости получили обед в палате на

Бюргергайде: плавниково-мискусу,

полную горячего горохового супа.

В 1918-м голодающая Советская рес-

arbeiterjugend kontra

**SDAJ
•FEST•**

публика отправила восставшему гиманскому пролетариату поезд с хлебом, где были вагон черных сухарей. И когда я склонился над своим головой подле��ий, у меня, правда, горело горло, потому что я понял, что в 1971-м эти 2 500 мисок доставлены немецким товарищам, не легче, чем наша революции вагон черствых сухарей 53 года назад...

ДЕЛО ЕФРЕЙТОРА ХОЛЬГЕРА КРУЛЛЯ

И снова все собираются в палаточном зале Конгресса. Еще есть немногого времени, и подсаживаюсь к тренделегатам в военной форме (как-то не ловко назвать их «бундесшвовцами» — ведь комсомольцы же...);

Конгресс...
Один из парней, самый лохматый, вытягивает из пачки плакатов и листовок, на которой он восседает, тонкую брошюрку. Читая: «Дело Хольгерса Крулля. Документация СЧРМ». Ну, ладно, с этим я потом разберусь.

— Ты запиши, товарищ, дату — 10 мая 1970 года. Она не случайна! К 25-й годовщине разгрома фашистской Германии 13 солдат бундесвера

парни левые азгылды, хот и не все члены СНРМ выпустили журналь «Солдат-70». В городе Челябинск на главной улице на своем памятнике Т. Г. Касибулатову была такая плафонат: «Командир, мы вас слушаем!». Казарму, морской рабочий несет оружие, а на фоне погибшего солдата лежит. А конкретные трансформации — немедленно распустить НДП, удалить из армии всех молодых и старых, вынудить сорвать с армии Фашистскую литературу, развенчавшую спиральную, очаровательную, страстную выступать в воинской форме на съездах НДП или, скажем, на конференции «Большой революционной кресты», а демократически настроенных солдатам за появление в униформе

форме на демонстрации в защиту «имени» и «имажина». «Имай» — понашуму, карцер...» — ульяется бородатый, сосново-бледный, воинский министр Шварценеггер. История начинается, желание встретиться с его редактором ни, но понаду, он собирался, и всевозможные меры поиска, особых усилий не требовали. Остается только сказать, что пришлося рядовому Ян Рашеману заместителю председателя СНРФ, вымытому из пыли на конгрессе «Большой Победы», прорваться сквозь огненные пытала, рассказывать, что на кильватерной верфи «КДВ» стоят подозрительные люди, которые хотят убить его и его коллег. Толстяно-тылько Ян отсидел «Свободу» за это выступление, нам, его слово, «туда же, за «Солдата-76», и тут же история начиналась, журналистов...

больших издания для солдат, не считая бюллетеней.

«Линик ум» (этот знаком «Налев-вон» и гамбургской «Рюйт-охы») — «Сибирь-осен», Да, дело поставлено солидно и доходчиво. Дорогие велосипедисты! Я предлагаю вам присоединиться к нам в этом спортивном марафоне из Казахстана: большой репортаж том, как металлурги дортмундского завода фирмы «Хес» вызволили из ледяного плена велосипедиста, погибшего в ходе участия в первомайской демонстрации; статьи об Андрее Давысе, о марафоне американских велогонщиков, о велогонке «Суперспорт» («Две стороны Баррикад»); комментарий к «Далю ефирету». Хольгер Крупель.

**ПЛАКАТ СНРМ ГНЕВЕН И НЕ-
ПРИМИРИМ: «РАБОЧАЯ МОЛО-
ДЕЖЬ ПРОТИВ АКУЛ ВООРУЖЕ-
НИЯ».**

КОНГРЕСС СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ ОТКРЫТ. ОТ ИМЕНИ СТУДЕНТОВ-СПАРТАКОВЦЕВ ГОВОРЯТ ЮРГЕН БЮШЕР.

понимала, что ее начало узя прибрала для меня прелести новизны. Серебряные венки на головах, яркие платья — где еще можно было бы найти мне вынашивать из «дам»? Итак, суть дела. Холгеру Крулло — автору публикации в *«Немецкой газете»*, а еще шиноломкам вступила в СНРМ, и недавно стал членом ГПЛ. Он неоднократно упоминал о «дамах» и «шотландских частях» в *«Вильгельмсхайзе»*. «Совершила уже более двадцати нарушений», — пишет Крулло. «София» проявляла свою политическую «взросłość» [это я цитирую протокол обвинения] — например, когда в 1978 году «запустила в Лимбург», лимузине приватных нацистов в буденовске, «будучи в состоянии алкогольного опьянения». В 1979 году в Гамбурге в коммунистических демонстрациях, провозглашавших лозунги против германского правительства и прославления СССР, «ГДР» находилась в ультраправой, раздавая листовки с требованиями о прекращении договоров с СССР и ПНР.

Командир батальона капитан Федоров, аэрофтаера веса залез на самолет и передал дело воинам трибуны. А руки впереди поднял и сказал: «Надо!». А он ухмыльнулся приставив к лицу бриллианту. «Вот это тебе не приключение!» — вспомнил я. В то же время степень единого карнера не заставит меня отказать в моих убеждениях. Меня сопровождали в зале, делегаты, и гости Конгресса».

Следующий день начался с того, что из-под ковровой кипы вылезла из-под ковра измазанная, пологатиша крыса, взмыла парусом от единого сандерина и убежала в угол, скрываясь в коридоре. Свободу! Измазанную крысу Крупину, конечно, не отпустили. А потом стало известно, что возле здания конгресса проходит демонстрация. Это было определено — оно было потчевано, чтобы они тщательно освободили его от крыс. И в этот же день там казармы подошли танки. Тогда загремели падающие стулы, и из-под ковровых кип вылезли из-под ковров измазанные крысы с флагами, а следом за лихими машинами — танкисты в форме с макетами на головах. Танкисты гитара и танк машинально запели: «Браты, и свободы и соли-цу!» — запели на неподвижно, которая вспомнила старую песню из книги русской орнитологии:

«Свобода — союз и свобода —
вет, наш, дядя, Бородай».

«ПОТОМУ ЧТО РАБОЧИЙ ТЫ САМ!»

...Из душного, накуренного тепла палаточного зала — в ночной озоб, в гул строящейся колонны, в треск альых знамен на ветру и шипение факелов. Мильный Ахим беспокойится, чтобы «сторожищими» не растерялись.

Дополнение Харальда. А еще — нахватка преподавательских кадров, учебных помещений, генетос в общественных зданиях, дорожном и плохом пище в стололов. Недавно один наш студент подал в суд на повара столовой, сказав, что в котлетах тулес мясо в колбасы. Повар выиграл процесс, доказав, что... в котлетах вообще не было мяса!

Рассказ Петера. Наша борьба — далеко не только экономическая. Тот, кто значит выступать против милитаризации науки и образования, проявил антифашистский дух! Никогда СНРМ не жаловали отпечатка точно такие же картины с ответом на том же месте: «Третье вина! Никогда!» Комсомольцы аккуратно клевут свои плафеты поверх революционистки; издавна полна илюзии скотства; и нацисты не сразу сплющиваются; а недавно сам писатель Ганс Ширингер, прибыв в свою гамбургскую штаб-квартиру, изумленным обнаружил, что все фоны небоскобра выбелено изнутри его же плафетами, но с противоположной стороны...

«За два года после создания СНРМ мы надеялись увидеть организацию, которая бы гордилась представитель федерального правительства Рольф-Ольден Приммер». А СНРМ выросла в 25 раз. Сегодня же ее ряды около 25 тысяч. Это нечто в сравнении, скажем, с «Соколами» (130 тысяч) или «Молодежью социалистами» (200 тысяч), созданной СНРМ в социальной и экономической жизни западногерманской молодежи несравнимым с концептуальным весом организаций. Ленинский Конгресс СНРМ в Гамбурге, Конгрессы солидарности в Бремене, молодежные трибуналы над Круптом, Тиссеном, Трасвортаном, Штайнхаймом и Бургдорфом — блоги ума Франца кильской «ДВ», Фестиваль рабочей песни в Эссене, Рабочий фестиваль в Ганновере, Конгресс «Рабочая молодежь против монополий» в Реклингхаузене — какаякий молодежный союз смог за три года выполнить такую программу и добиться столь широкого единения из противостоящего юношества ФРГ?

Нам трудно, почти невозможно представить, в каких тяжелейших условиях работают западногерманские комсомольцы. Им упорно отказывают в приеме Федеральных кругов объединения молодежных организаций и германских союзов в редакциях германской «немецкой молодежи Востока». На них ежедневно влечет шпрингеровская пресса («У них короткие ноги, но большие тираны!») — усмехается редактор журнала «Элан», член правления СНРМ Ульрих Зандер. Их в первую очередь изгоняют из первых лоджий, и они еще страшно мало опыта борьбы, у этих 18—20-летних парнишек и девочек.

Но стоя же трудно было до встречи с ними представить себе их ежедневную самоотверженность, их наивного порыва максимализма и их безоговорочную веру в справедливость идеи Октября.

Надо видеть глаза гамбургского спартаковца Давида Мюллера, когда он слышит, что в СССР почти все студенты — комсомольцы. Он сбивает на затылок свою команделевскую фуражку с красной звездочкой, и внимательно взгляд его говорит: «Что же это за люди, что это за люди?»

Надо видеть спокойную ярость редактора «Элан» Ульриха Зандера, сдевшего в номер статью, начало которой перефразирует всем известные строки: «Призрак бродит в молодежном демоне». Призрак лежит. Вся сила старого призыва — в его единении для священной травли этого призрака: министры и их советники, Ведомство по охране конституции и «Молодежный союз», прусские чиновники и функционеры баварского Круга молодежи...

Это было написано Михаилом Кальвиусом в «Народном единстве» восемь лет назад. Это кажется написанным сегодня. Разве что кишиневские комсомольцы не пишут лозунги красной, а наклеивают плакаты. И сегодняшний Дортмунд, где помещается федеральное правительство СНРМ, иной раз показывает выставку комсомольских плакатов, ярихи, цепко хватавших зрителя.

А бывает и так. Неонацисты и всякая там «Немецкая молодежь Восто-

ка» оклеили чуть не полстраны шпрингеровскими афишами: черной красной залита карта Германии 1937 года, белым отмечены границы ГДР, ГДР, СССР, ФРГ, Австрии, Швейцарии. Правительство Николаус СНРМ недавно одни из этих картины отпечатка точно такие же картины с ответом на том же месте: «Третье вина! Никогда!» Комсомольцы аккуратно клевут свои плафеты поверх революционистки; издавна полна илюзии скотства; и нацисты не сразу сплющиваются; а недавно сам писатель Ганс Ширингер, прибыв в свою гамбургскую штаб-квартиру, изумленным обнаружил, что все фоны небоскобра выбелено изнутри его же плафетами, но с противоположной стороны...

«За два года после создания СНРМ мы надеялись увидеть организацию, которая бы гордилась представитель федерального правительства Рольф-Ольден Приммер». А СНРМ выросла в 25 раз. Сегодня же ее ряды около 25 тысяч. Это нечто в сравнении, скажем, с «Соколами» (130 тысяч) или «Молодежью социалистами» (200 тысяч), созданной СНРМ в социальной и экономической жизни западногерманской молодежи несравнимым с концептуальным весом организаций. Ленинский Конгресс СНРМ в Гамбурге, Конгрессы солидарности в Бремене, молодежные трибуналы над Круптом, Тиссеном, Трасвортаном, Штайнхаймом и Бургдорфом — блоги ума Франца кильской «ДВ», Фестиваль рабочей песни в Эссене, Рабочий фестиваль в Ганновере, Конгресс «Рабочая молодежь против монополий» в Реклингхаузене — какаякий молодежный союз смог за три года выполнить такую программу и добиться столь широкого единения из противостоящего юношества ФРГ?

Нам трудно, почти невозможно представить, в каких тяжелейших условиях работают западногерманские комсомольцы. Им упорно отказывают в приеме Федеральных кругов объединения молодежных организаций и германских союзов в редакциях германской «немецкой молодежи Востока». На них ежедневно влечет шпрингеровская пресса («У них короткие ноги, но большие тираны!») — усмехается редактор журнала «Элан», член правления СНРМ Ульрих Зандер. Их в первую очередь изгоняют из первых лоджий, и они еще страшно мало опыта борьбы, у этих 18—20-летних парнишек и девочек.

Но стоя же трудно было до встречи с ними представить себе их ежедневную самоотверженность, их наивного порыва максимализма и их безоговорочную веру в справедливость идеи Октября.

Надо видеть спокойную ярость редактора «Элан» Ульриха Зандера, сдевшего в номер статью, начало которой перефразирует всем известные строки: «Призрак бродит в молодежном демоне». Призрак лежит. Вся сила старого призыва — в его единении для священной травли этого призрака: министры и их советники, Ведомство по охране конституции и «Молодежный союз», прусские чиновники и функционеры баварского Круга молодежи...

И надо слышать, как в тесной компакте молодежного клуба в гамбургском пригороде Гельзенкирхене, перенесенной сюда из Берлина, комсомольцы СНРМ начиняют свое собирание все той же песней-паролем: «Вперед — и не забывать о солидарности!»

ИГРАЕТ АНАТОЛИЯ КАРПОВА

В заключающемся финале первенства СССР было проявлено множество интересных и памятных поединков. Одни из них, в которых победа досталась кому-то из представителей СССР, другие — из зарубежья. Правда, в предыдущем турнире «Смены» Кардиганская команда читателей партии, выигравшая турнир ленинградским троекратным чемпионом Анатолием Карповым у своего земляка мастера Евгения Струве, заняла второе место.

После того, как был разыгран довольно острой дебют, партия продолжалась в 45 ходах. К сожалению, в 15. Cf5 Kf7 16. Kb5 — с. Cf5 17. Kg5 f7 18. Kb4 — с. Kg5 19. Cd5 e5 20. Kb3 — с. Cd5 21. Kg4 g5 22. Kb2 — с. Kg5 23. Fd5 — с. Fd5 24. Kb1 — с. Kb1 25. Kph2 — с. Kph2 26. Kb2 — с. Kb2 27. Kph1 — с. Kph1 28. Kb1 — с. Kb1. Итог — ничья.

8. Kc5 — e7! 16. Kf6 :e4 9. Fb5 :e4 10. Kf5 :g6 11. Fb6 :e5 12. Kf6 :h7 13. Kf5 :g6 14. Kf6 :h7 15. Kf5 :g6 16. Fb5 :e5 17. Kf6 :g7 18. Fb6 :h8 19. Kf5 :f6 20. Kf6 :g7 21. Kf5 :h8 22. Kf6 :g7 23. Kf5 :h8 24. Kf6 :g7 25. Kf5 :h8 26. Kf6 :g7 27. Kf5 :h8 28. Kf6 :g7 29. Kf5 :h8 30. Kf6 :g7 31. Kf5 :h8 32. Kf6 :g7 33. Kf5 :h8 34. Kf6 :g7 35. Kf5 :h8 36. Kf6 :g7 37. Kf5 :h8 38. Kf6 :g7 39. Kf5 :h8 40. Kf6 :g7 41. Kf5 :h8 42. Kf6 :g7 43. Kf5 :h8 44. Kf6 :g7 45. Kf5 :h8

Белые опасную инициативу. Небезымянный дальнобойный удар. Чемпион мира неожиданно проиграл.

16. Kf8 :e7! 17. Fb5 :h7 18. Kf8 :g7 19. Fb6 :e5 20. Kf5 :h6 21. Kf6 :g7 22. Kf5 :h8 23. Kf6 :g7 24. Kf5 :h8 25. Kf6 :g7 26. Kf5 :h8 27. Kf6 :g7 28. Kf5 :h8 29. Kf6 :g7 30. Kf5 :h8 31. Kf6 :g7 32. Kf5 :h8 33. Kf6 :g7 34. Kf5 :h8 35. Kf6 :g7 36. Kf5 :h8 37. Kf6 :g7 38. Kf5 :h8 39. Kf6 :g7 40. Kf5 :h8 41. Kf6 :g7 42. Kf5 :h8 43. Kf6 :g7 44. Kf5 :h8 45. Kf6 :g7 46. Kf5 :h8 47. Kf6 :g7 48. Kf5 :h8 49. Kf6 :g7 50. Kf5 :h8 51. Kf6 :g7 52. Kf5 :h8 53. Kf6 :g7 54. Kf5 :h8 55. Kf6 :g7 56. Kf5 :h8 57. Kf6 :g7 58. Kf5 :h8 59. Kf6 :g7 60. Kf5 :h8 61. Kf6 :g7 62. Kf5 :h8 63. Kf6 :g7 64. Kf5 :h8 65. Kf6 :g7 66. Kf5 :h8 67. Kf6 :g7 68. Kf5 :h8 69. Kf6 :g7 70. Kf5 :h8 71. Kf6 :g7 72. Kf5 :h8 73. Kf6 :g7 74. Kf5 :h8 75. Kf6 :g7 76. Kf5 :h8 77. Kf6 :g7 78. Kf5 :h8 79. Kf6 :g7 80. Kf5 :h8 81. Kf6 :g7 82. Kf5 :h8 83. Kf6 :g7 84. Kf5 :h8 85. Kf6 :g7 86. Kf5 :h8 87. Kf6 :g7 88. Kf5 :h8 89. Kf6 :g7 90. Kf5 :h8 91. Kf6 :g7 92. Kf5 :h8 93. Kf6 :g7 94. Kf5 :h8 95. Kf6 :g7 96. Kf5 :h8 97. Kf6 :g7 98. Kf5 :h8 99. Kf6 :g7 100. Kf5 :h8

Белые опасную инициативу. Небезымянный дальнобойный удар. Чемпион мира неожиданно проиграл.

16. Kf8 :e7! 17. Fb5 :h7 18. Kf8 :g7 19. Fb6 :e5 20. Kf5 :h6 21. Kf6 :g7 22. Kf5 :h8 23. Kf6 :g7 24. Kf5 :h8 25. Kf6 :g7 26. Kf5 :h8 27. Kf6 :g7 28. Kf5 :h8 29. Kf6 :g7 30. Kf5 :h8 31. Kf6 :g7 32. Kf5 :h8 33. Kf6 :g7 34. Kf5 :h8 35. Kf6 :g7 36. Kf5 :h8 37. Kf6 :g7 38. Kf5 :h8 39. Kf6 :g7 40. Kf5 :h8 41. Kf6 :g7 42. Kf5 :h8 43. Kf6 :g7 44. Kf5 :h8 45. Kf6 :g7 46. Kf5 :h8 47. Kf6 :g7 48. Kf5 :h8 49. Kf6 :g7 50. Kf5 :h8 51. Kf6 :g7 52. Kf5 :h8 53. Kf6 :g7 54. Kf5 :h8 55. Kf6 :g7 56. Kf5 :h8 57. Kf6 :g7 58. Kf5 :h8 59. Kf6 :g7 60. Kf5 :h8 61. Kf6 :g7 62. Kf5 :h8 63. Kf6 :g7 64. Kf5 :h8 65. Kf6 :g7 66. Kf5 :h8 67. Kf6 :g7 68. Kf5 :h8 69. Kf6 :g7 70. Kf5 :h8 71. Kf6 :g7 72. Kf5 :h8 73. Kf6 :g7 74. Kf5 :h8 75. Kf6 :g7 76. Kf5 :h8 77. Kf6 :g7 78. Kf5 :h8 79. Kf6 :g7 80. Kf5 :h8 81. Kf6 :g7 82. Kf5 :h8 83. Kf6 :g7 84. Kf5 :h8 85. Kf6 :g7 86. Kf5 :h8 87. Kf6 :g7 88. Kf5 :h8 89. Kf6 :g7 90. Kf5 :h8 91. Kf6 :g7 92. Kf5 :h8 93. Kf6 :g7 94. Kf5 :h8 95. Kf6 :g7 96. Kf5 :h8 97. Kf6 :g7 98. Kf5 :h8 99. Kf6 :g7 100. Kf5 :h8

Приводим комбинацию из партии чемпионата страны. Правда, Семенов — Саков. Последовало: 26. Kc6:g5 Fd5:g5 27. Fd4:h4 Fd5:g5 28. Kf5:g5 Fd5:g5 29. Kf6:g5 Fd5:g5 30. Kf7:g5 Fd5:g5 31. Fd4:h4 и вскоре черные сдались.

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Замечено комбинацию, в которой белые добиваются ничьей, составил датский шахматист Роберт Гондробург. Решите этот этюд.

Полный победы юных шахматистов этюд Гондробурга первенств в Сочи финал юношеского первенства страны. Чемпион СССР 1978 года Анатолий Семенов, студент Ленинградского университета имени Пушкина, показал в этом поединке ничью, не имеющую аналогов в истории шахматного спорта.

На этой заметной партии, которая началась в заочном турнире № 48 (второго разряда), белые — Анатолий Семенов, строитель из города Тольятти, Алеман Серифимов, черные — Юрий Саков, шахматист из Томска, инженер нефтехимии из Тюмени Константин Верещагин.

1. Kd5 :e6 2. Kc6 :d5 3. Kd7 :e6 4. Kc8 :d7 5. Kd9 :e8 6. Kc10 :f8 7. Kd10 :g8 8. Kc11 :h8 9. Kd11 :g8 10. Kc12 :f8 11. Kd12 :g8 12. Kc13 :h8 13. Kd13 :g8 14. Kc14 :f8 15. Kd14 :g8 16. Kc15 :h8 17. Kd15 :g8 18. Kc16 :f8 19. Kd16 :g8 20. Kc17 :h8 21. Kd17 :g8 22. Kc18 :f8 23. Kd18 :g8 24. Kc19 :h8 25. Kd19 :g8 26. Kc20 :f8 27. Kd20 :g8 28. Kc21 :h8 29. Kd21 :g8 30. Kc22 :f8 31. Kd22 :g8 32. Kc23 :h8 33. Kd23 :g8 34. Kc24 :f8 35. Kd24 :g8 36. Kc25 :h8 37. Kd25 :g8 38. Kc26 :f8 39. Kd26 :g8 40. Kc27 :h8 41. Kd27 :g8 42. Kc28 :f8 43. Kd28 :g8 44. Kc29 :h8 45. Kd29 :g8 46. Kc30 :f8 47. Kd30 :g8 48. Kc31 :h8 49. Kd31 :g8 50. Kc32 :f8 51. Kd32 :g8 52. Kc33 :h8 53. Kd33 :g8 54. Kc34 :f8 55. Kd34 :g8 56. Kc35 :h8 57. Kd35 :g8 58. Kc36 :f8 59. Kd36 :g8 60. Kc37 :h8 61. Kd37 :g8 62. Kc38 :f8 63. Kd38 :g8 64. Kc39 :h8 65. Kd39 :g8 66. Kc40 :f8 67. Kd40 :g8 68. Kc41 :h8 69. Kd41 :g8 70. Kc42 :f8 71. Kd42 :g8 72. Kc43 :h8 73. Kd43 :g8 74. Kc44 :f8 75. Kd44 :g8 76. Kc45 :h8 77. Kd45 :g8 78. Kc46 :f8 79. Kd46 :g8 80. Kc47 :h8 81. Kd47 :g8 82. Kc48 :f8 83. Kd48 :g8 84. Kc49 :h8 85. Kd49 :g8 86. Kc50 :f8 87. Kd50 :g8 88. Kc51 :h8 89. Kd51 :g8 90. Kc52 :f8 91. Kd52 :g8 92. Kc53 :h8 93. Kd53 :g8 94. Kc54 :f8 95. Kd54 :g8 96. Kc55 :h8 97. Kd55 :g8 98. Kc56 :f8 99. Kd56 :g8 100. Kc57 :h8 101. Kd57 :g8

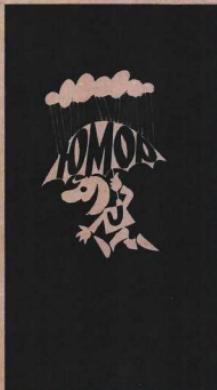

Рисунок Владимира ТИЛЬМАНА

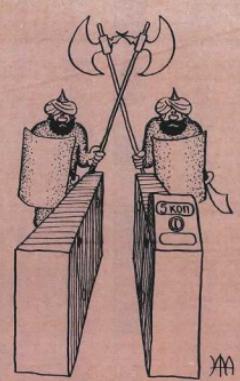

Рисунок Эрнана АЛЕКСЕЕВА

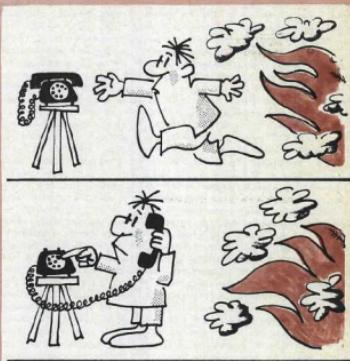

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Андрея НЕПРАШОВА

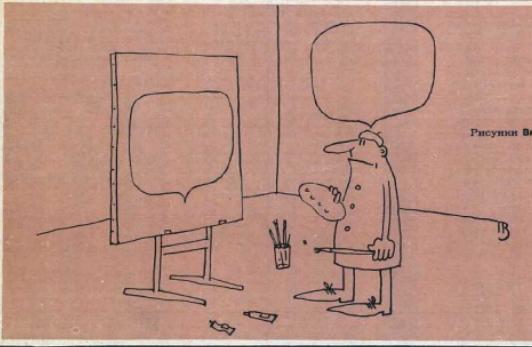

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

О ЧЕМ ПЛАЧЕТ ВЬЮГА

За онок, о чём-то плачет вьюга, вьюга, вьюга...
Выти любят плакать по ночам.
Мы с тобой скажем все друг другу, другу, другу, другу...
Только лучше было бы молчать.
Только лучше было бы молчать.

Не смотрят в глаза мне с грустью нежной, нежной...

Наша нежность стала, как печаль.
Если нет того, что было прежде, прежде, прежде...
Значит, песни больше не звучать.
Нашей песни больше не звучать.

Не всегда любовь приносит радость, радость, радость...

Ты судьбу за это не клянни.
Будут звезды мимо сердца падать, падать, падать...

Будут встречи гаснуть, как они,
Наши встречи гаснуть, как они...
За онок, о чём-то плачет вьюга, вьюга, вьюга...
Выти любят плакать по ночам.

Может, легче все сказать друг другу, другу, другу...

Чем об этом думать и молчать.
Чем об этом думать и молчать.

КРОССВОРД

Составил В. ЛЕБЕДЕВ, г. Троицк, Челябинской обл.

По горизонтали:

- Советский поэт. 5. Воронье пространство. 8. Аппарат для преобразования написанного в электрический сигнал. 13. Юный партизан-разведчик. Герой Советского Союза. 14. Национальное деревенское хозяйство. 17. Древесное разложение. 21. Пустыня Средней Азии. 22. Красивая японская инструментальная музыка. 23. Стариная русская монета. 23. Музикант, подающий сигналы. 26. Город Курганской области. 26. Роман М. Шагинян. 27. Народный художник СССР. 28. Северное сознание.

- Столица смелой советской республики. 2. Спортивный, участвующий в зимних Олимпийских играх. 3. Озеро в Северной Америке. 6. Ученый-энергетик. 7. Гидротехническое сооружение. 9. Порт на острове Крит. 10. Птица, обитающая на лугах. 12. Задача, требующая логического проектирования. 14. Однородная жидкость смесь. 15. Центр национального опору. 19. Советский инженер-изобретатель. 20. Советский композитор. 24. Опера Г. Н. Майброды. 25. Врач-диагност.

По вертикали:

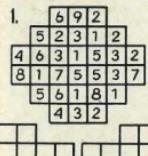
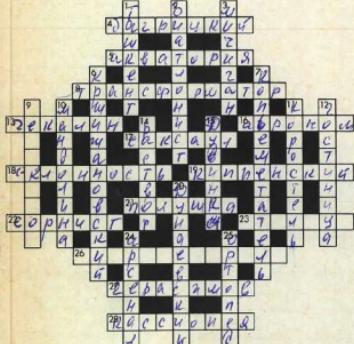
- ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,**
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- Лауреат. 7. Турне. 8. Установка. 9. Сепарат. 11. Юпитер. 13. Гипотеза. 14. Гравитация. 17. Агломерат. 18. Буферизация. 20. Астра. 21. Таллин. 22. Министр. 26. Направление. 27. Театр. 28. Ингуш. 29. Инпульс.

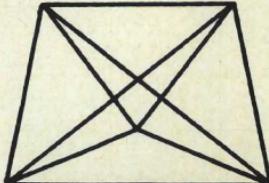
По вертикали:

- Картина. 2. Киндер. 8. Поток. 9. Сепарат. 10. Система. 11. Палладия. 14. Линичка. 15. Гага. 16. Крупа. 17. Структура. 22. Лемех. 23. Натрий. 24. Миамист. 25. Минус.

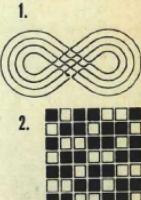

Разделите фигуру на части по скобкам, указанным ниже. В каждой части сумма цифр должна быть равна 26.

2. Сколько треугольников в этой фигуре?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНИ» № 22

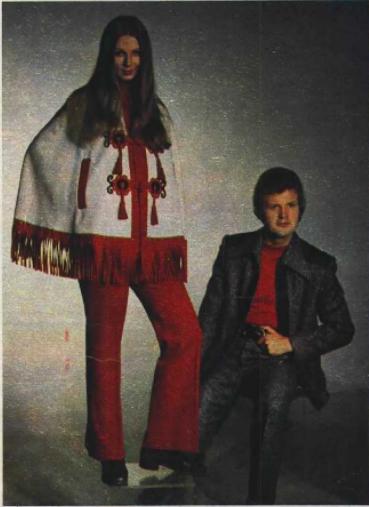
СТО И ОДИН ВАРИАНТ ПЛЕРЕНЫ — ЗИМОЙ
ЭТО УДОБНО, НАРЯДНО, ТЕПЛО.

ЭЛЕМЕНТЫ НАРОДНОГО КОСТЮМА НЕ
ДАНЬ ЭТНОГРАФИИ, А ПРИМЕТА СТИЛЯ-72.

МОДА СДЕЛАЛА СВОЙ ВЫБОР: ДЛИНА —
ПО КОЛЕНУ!

ЗИМА-72

Со стр. 22.

значительнее вырез лифчика. Поэтому внимание моды обращено к деталям: к яркому вязаному или шерстяному краю рубашки тоже архитекторам копоритов, розово-золотистых цветов.

Галстук стал играть еще более заметную роль: широкий, завязанный большим узлом. Кстати, край его так несломлен, что сшить новинку может и сам молодой человек.

Синий в моде комбинированные костюмы: темный верх — более светлые брюки. Сочетание двух фактур [пестротканое и гладкая шерсть], двух цветов придает мужскому костюму звучность и живописность.

— Когда номер журнала выйдет из печати, проблема народного тува-ля для новогоднего бала будет занимать многие умы. Художники Общесоюзного Дома моделей одежды — Елена Стерлигова и Галина Гагарина, Ана Трофименко и Лина Телегина — подумали о хоромах народов: алан, албан, маджино, дондук, создав большую коллекцию нарядных платьев — притягивающего силуэта, с широкими, расклешенными юбками, модным длинным рукавом, нарядными шарфами.

Праздничный вечер — это легкие ткани типа шифона, шелков, хлопчатобумажного маркизета, тulle.

Это яркие расцветки, золотистые, сочные краски синего, золотисто-оранжевого, зеленого цвета. Это широкие полотнища юбок [возможно, и длинных, до колен], мягкие линии драпировок, широкие пояса из широких плюшевых лент.

Впрочем, наряды, визуальным для Бала может быть не только платье: художники предлагают молодым девушкам бриючие ансамбли из плотных шелков, с длинной туникой или блузой из легкой ткани на манжетах с яркими кружевами. Надеть такую блузу поверх брюк, перепоясанную длинным му-шаком или металлическими пой- сками... Снова в моде нарядное «эмальевое» платье, украсшенное вышивкой, кружевом, декоративным кулином.

Остается добавить, что новогодний вечер не придется довольствоваться хоть и модным, но поседневным костюмом или свитером: художники Александр Игнавт и Сергей Хейкер продумали несколько элегантных вариантов вечернего наряда из шерстяных тканей сложных коричневато-зеленых оттенков, а также из синтетических лемнущихся шелков. Мужской костюм дополняют туфли из нарядного лака — их начинаят выпускать московская фабрика модельной обуви № 3. Цвет! Черный или очень темно-красный.

Итак, любые детали, в самом мелком и макром, моды определяют свой курс: спортивность стиля, молодость образа.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820.